

ROBERT de BORON

LE ROMAN
DE L'ESTOIRE
DOU GRAAL

РОБЕР де БОРОН

РОМАН
О
ГРААЛЕ

в переводе
Елены Кассировой

Е В Р А З И Я
Санкт - Петербург 2000

Любому грешнику давно
Понятъ твердое дано,
Что, перед тем как в мир явиться,
Христос не одного провидца
Оповестил, благую весть
До мира повелев довести.
И возгласили их уста,
Что сына Своего, Христа,
Господь пришлет на землю нашу
Испить великой скорби чашу.

А в старину, скажу вам прямо,
Все люди с праотца Адама:
И Авраам, и Моисей,
И прочие, и тот, и сей,
Вельможа, патриарх, герой,
И добрый человек, и злой,

И подневольный, и владыка,
Народ от мала до велика —
Все поколения подряд,
Преставившись, сходили в ад.
В те давешние времена
Хозяин ада, Сатана,
Уверен был, что он один
Над всеми царь и господин.
Однако о небесном чуде
Мечтали в преисподней люди.
И вот в юдоль скорбей и слез
Господь наш Иисус Христос
Спустился, дабы во плоти
На муку крестную пойти.
Во чреве Дева понесла,
По воле Господа — светла,
Проста, кротка и благородна.
Так было небесам угодно.
И, добродетелей полна
И ликом хороша, она

Сравнима и сама притом,
Вестимо, с розовым кустом,
И нет душистей, нет нежней
Той розы, что сокрыта в ней!
Марией Деву величали.
То имя скорби и печали
И говорит о горьком море,
О матери, познавшей горе.
Марииных отца и мать
Иоаким и Анна звать.
Однако ж оставалась та
Благочестивая чета
Бездетной до преклонных лет,
Печалась, что детей все нет.
Молился старец неустанно,
Чтоб понесла в утробе Анна,
И жертву к алтарю принес.
Не принял жрец даров и слез!
И старец бросил дом и храм.
Он удалился к пастухам

И в горести безмерной жил,
Решив, что небесам не мил,
Ведь Бог, мольбы его презрев,
Явил ему великий гнев.
Однажды зрит Иоаким:
Посланец Господа пред ним.
И молвит ангел старику:
«Се, слово Божие реку.
Ты, Иоаким, по Божьей воле,
Отныне не бездетен боле.
Ступай обрано не скорбя.
Дщерь народится у тебя.
Родит твоя супруга Анна.
И Богу дщерь твоя желанна.
И будет у Него в чести
Она святую жизнь вести.
Марией наречется дщерь.
Итак, ступай домой и верь,
И будь спокоен, весел, рад.
А в городе, у самых врат,

Жену свою обнимешь снова.
И таково Господне слово.
Покой и радость впереди.
Иоаким, домой иди».
Начну, однако же, сначала.
Спасти от кары надлежало
Томившихся в аду людей,
Над коими царил Злодей.
Однажды плод запретный с древа
Адаму предложила Ева.
С тех пор в геенну Дьявол всех
Волок за первородный грех.

И, наконец, поведать надо,
Как вызволили нас из ада
От Люциферовых порух
Отец, и Сын, и Святый Дух.
Ведь сущность Бога триедина.
Се — сущность и Отца, и Сына,
И Духа Свята. И такое

В Едином, означает, — Трое.
Желал Господь, чтоб Сын Его
Обрел людское естество.
И волей Господа, чиста,
Мария родила Христа.
И Божий Сын, ее дитя,
Плоть человечесю обрета,
Жил, как предания гласят,
Терпел, страдал и был распят,
Чтоб, наконец, сумели мы
Спасти от вековой тьмы.
Мир с незапамятных времен
Был на геенну обречен
За ту же Евино вино.
Я о ней упомяну:
В том Евина была вина,
Что не послушалась она
И с дерева добра и зла
Плод заповедный сорвала.
И плод был сочен, ал и бел.

И взял Адам его, и ел.
И съел, и наготу свою
Увидел. Так, вкусив в раю
Плодов запретных и прозрев,
Нарвали зелени с дерев,
Повязки сшили и надели,
И с опоясанием на теле
О райском позабыли благе.
Отныне ведали, что наги.
Гуляя по густым садам,
Сказал Господь: «Ты где, Адам?»
Сказал Адам: «Я здесь. Я наг».
Се был грехопадения знак.
И вот, нарушивших запрет,
В раю Адама с Евой нет.

Так, в муках грешная жена
Была рожать обречена.
А человеку неизменно,
Когда скончается, геенна,

Где Дьявол всем и вся владел,
 Была назначена в удел.
 И все сходили в ад, покуда
 Создатель не содеял чуда.
 И был по милости Господней
 Избавлен мир от преисподней
 Посланцем Господа Христом.
 А я поведаю о том —
 Услышано да будет всеми, —
 Что Иисуса в Вифлееме
 Мария родила святая.
 И, души истинной питая,
 Она — живительная влага,
 Источник радости и блага.

Итак, правдиво, без прикрас
 Продолжу о былом рассказ,
 Не утаив и не соврав,
 Покуда, други, жив и здоров.
 Так чудо совершил Творец.

Людскому роду наконец
 Христос был во спасенье дан.
 В реке прозваньем Иордан
 Креститель Иоанн молодой
 Спасителя крестил водой.
 Рек Иисус: «Водою всяк
 Да крестится, чтоб не иссяк
 В нем жизни благостный исток
 И чтобы Сатана не смог,
 Над ним заполучивши власть,
 Его навек в аду заковать».
 И Церкви Иисус Христос
 Права крещения принес,
 И положил Петру в удел
 Радеть о Церкви, и велел
 Пасти людей, ключи от рая
 Петру отныне поручая.
 И за Адама все на свете
 В роду людском, отцы и дети,
 Народы, словом, всей земли

Навек прощенье обрели.
А мнилось, в царстве Сатаны
Они страдать обречены.
Однако ж Иисуса сила
От плена мир освободила!
Но ведал Бог, что слабы мы
И что влекомы силой тьмы,
Что искушенья и соблазны
Безмерны и многообразны,
Ведь немощную нашу плоть
Нам невозможно побороть.
Христос велел Петру, чтоб людям
Сказал он так: коль грешны будем,
Но покаяние во всем
Чистосердечно принесем,
Винясь и в малом, и во многом,
То чрез Святую Церковь Богом
Мы будем от своей вины
Избавлены и прощены.

Так, Иисус пришел. Тогда,
В те стародавние года,
О коих ныне говорим,
Царил непобедимый Рим
Над Иудеей, и туда-то
Послал наместником Пилата.
И были некий иудей
И пятеро его людей
Пилату верная подмога.
Съи иудей, Христа премного
И почитая, и любя,
Боялся выказать себя.
И отступился — зло содеяв,
Дабы не гневать фарисеев,
Хоть почитал себя тайком
Пришельцу другом, не врагом.
Но враг — нашелся все ж таков
Среди друзей-учеников.
С проклятьем вспоминают люди
О сем предателе Иуде.

Итак, на сходках фарисеи
Кричали, что всего вернее,
Дабы остаться им в чести,
Христа немедля извести.
А Иисус душой приник
К Иуде. Оный ученик
Искарот, упомяну,
Хранил общинную казну,
Был жаден, а еще ревнив.
Иуда злился, невзлюбив,
Что меж собой ученики
И задушевные, и близки.
И так, апостолов среди
Ходил со злобою в груди.
Не ведали друзья Христовы,
Что казначей их строит ковы.
Но знал Учитель наперед,
Когда и почему умрет.

Иуда же как казначей
Сбирал дары от богачей,
При этом, велика ль, мала,
Иуде десятина шла.
И вот в дому у фарисея
Собрались, ужинать затея,
Ученики вокруг стола.
И некая жена вошла.
И, наклонясь, к ногам Христа
Припала поселанка та.
Мария было имя ей.
Пахучий нардовый елей
Мария из сосуда льет
У ног Учителя, и вот,
Сей драгоценнейший бальзам
Пролив и примешав к слезам
(не плакать ей неумоготу),
На ноги и главу Христу
Благоухающую масть
Мария начинает класть.

И благовония легки.
И тронуты ученики.
Один Искарот сердит.
С негодованием твердит,
Что триста сребреников нам,
Мол, заплатили б за бальзам.
А так, мол, мне прибýtка нет —
Законных тридцати монет!
И охватила злость Иуду.
«В накладе, — думал он, — не буду»

Вот к Каиафе неспроста,
Но мысля, как сгубить Христа,
Злодеи толковать идут.
Иуда тоже тут как тут...
В ту пору в Иерусалиме
Первосвященником меж ними
Был Каиафа всех главнее.
Иосиф из Аримафеи
Тогда участвовал в совете,

Где толковали старцы эти.
Был сей аримашеец, впрочем,
До злодеянья не охочим.
Г-о все, когда вошел Иуда,
Умолкли, опасаясь худа:
Считали нечестивцы те,
Что он радуется Христе.
Иуда говорит: «Вначале
Вы громко спорили, кричали.
Почто же замолчали враз?
И тишина почто у вас?»
Они ж ему: «А ты открой,
Где Иисус, учитель твой?
Иль проповедовать куда
Пошел?» Иуда молвит: «Да,
Пошел». Не отстают они.
«А ну, — вскричали, — не темни!
Ты — Иисусов или наш?
Ты Иисуса нам продашь?»
И вот тогда Иуда, враг,

Ответил фарисеям так:
«За тридцать сребреников вам
Охотно мудреца продам.
Вас к Иисусу приведу».
И тотчас проклятую мзду
Охотно фарисеи дали
Искарриоту. Ну, а дале
Стал пред синагегом тать
Задуманное излагать.
Мы с вами, мол, в тот самый дом,
Где будет Иисус, придем.
И, будто идучи на бой,
Возьмите и ножи с собой.
Оружье пригодится. «Но, —
Речет, — запомните одно:
Что с Иисусом брат Иаков
Лицом и статью одинаков.
Смотрите, одного с другим
Не спутайте!» — «А мы хотим, —
Иуде молвят, — если так,

Отличия увидеть знак».
А он в ответ, что вещь проста,
Что поцелует, мол Христа.
При обсуждении мерзких дел
В тревоге и тоске сидел
Иосиф из Аримафеи
И думал: «Экие злодеи!»

Се, ждали, подлые, покуда
Им знака не подаст Иуда.
В Четверг у Симона в дому
Был Иисус, и там ему
Внимали братья. А Христос
Слова такие произнес:
«Вам ныне истину открою.
Вы преломили хлеб со мною
Теперь, а на исходе дня
Один из вас предаст меня».
И рек Иуда: «Молви нам,
Равви, не я ль тебя предам?» —

«Иуда, ты сказал», — таков
Иуде был ответ Христов.
И, истинную благодать
Желая въяве преподать,
Взял умывальницу и сам
Омыл стопы ученикам.
Тем самым был урок им дан.
И тихо молвил Иоанн.
В ответ на действие Христово:
«Сказать позволь, Учитель, слово».
Позволил Иисус ему.
Тогда сказал он: «Не пойму,
Почто, как некто из толпы,
Ты грешным нам омыл стопы?»
Учитель, отвечая, рек:
«То от Меня Петру урок.
Вода от первых же ступней,
Омытых человеком в ней,
Уже грязна. С ней люди схожи.
Грязны, покуда грешны, тоже.

Но могут, хоть грязны они,
Другому омывать ступни.
Омоют и омоют снова,
Как ни грязны, один другого.
Так, даже грязная вода
Грязь отмывает без труда.
И всяк омыт, и стар, и мал,
Последний точно первый стал.
Я притчу о воде беру
Примером, говоря Петру
И Церкви-Матери Святой,
Чтоб наставляли род людской.
И сможет грешник, стало быть,
Другого грешника омыть.
И будет чист омытый сей:
С того, кто Троицу и с Ней
Святую Церковь любит верно,
Отмоется любая скверна.
Но чистого не явен вид,
Пока не сказано: омыт.

И ты за сим примером следом
Запомни: всякий грех неведом,
Пока не исповедан он,
Пока от церкви утаен». —
Вот так об омовеньи ног
Учитель Иоанну рек.

Итак, сидят они в дому
У Симона. И вот к нему,
Как обещал, Искарriot
Господних недругов зовет.
И на предательские зовы
Явились в дом враги Христовы.
И вся община у стола
В великом страхе замерла.
А сам Искарriot, злодей,
Узрев непрощенных гостей,
Целует Господа в уста
И так им выдает Христа.
Вмиг окружен и схвачен Он.

«Держите крепче! Он силен» —
Внушает стражникам Иуда.
И увели Христа оттуда,
Решив, что он у них во власти.
Так, дело сделано отчасти.
И плакали ученики
Слезами муки и тоски.
А некто на столе фиал
Вина Христова увидал.
И не было вокруг людей.
И вынес чашу иудей,
Пока с побоями, в пыли
К Пилату Господа вели.

И обвинили, как умели
Христа злодеи, а на деле
Над Господом совсем мала
Власть фарисеева была.
Искали для Него вину —
Не отыскали ни одну.

И мог бы, только захоти,
Он от судилища уйти,
Неодолим и неподсуден.
А все-таки на суд Иудин
Явился Иисус Христос
И брань людскую перенес.
Итак, стояли у палат.
И вышел, и сказал Пилат:
«Старейшины для ясновидца
Хотят распятия добиться,
Но пленника сего вина
Ни в чем, однако, не видна.
И посему даю ответ:
Причин для наказания нет».
Но иудеи, гневны, яры,
Желают Иисусу кары
И требуют свое опять.
Хотят на казни настоять.
«Пусть кровь Его на нас!» — кричат.
И покорился им Пилат.

Но, согласившись с ними, с ходу
Он опускает руки в воду
Прилюдно, сути не тая:
Вот, умываю руки я,
Чтоб не пошла дурная слава,
Что, мол, Пилат судил неправо!
А иудей, забрав в дому
У Симона фиал, к тому
Пилату прибежал. Фиал
Он прокуратору отдал.
Когда ж разнесся слух о том,
Что сотворилось над Христом
И ликовали фарисеи,
Иосиф из Аримафеи
К правителю пришел и рек:
«Тебе и Риму долгий срок
Служил и я, как верный воин.
И, коль решишь, что я достоин,
И оказать мне милость рад,
Ни воздаяний, ни наград

Желаю, но, душой скорбя,
Прошу иного у тебя». —
«Добро, Иосиф, по трудам, —
Сказал Пилат, — тебе воздам
Охотно, ибо признаю,
Иосиф, преданность твою». —
«Тогда позволь, — Иосиф сей,
Аримафейский рек ему, —
Распятого с креста сниму». —
«На бескорыстного слугу
Не подивиться не могу! —
Правитель молвит иудею. —
И отказать тебе не смею.
Да на отказ не стало б сил,
Когда б и большее просил.
Ступай и с верными людьми
Страдальца своего сними». —
«Благодарю. Однако стражу
Предупреди. Я с ней не слажу»
Правитель же ему в ответ:

«В предупрежденьях нужды нет». —
«Но, стражники твои у нас,
Правитель, стребуют приказ» —
«Не стребуют. Ступайте смело
К Голгофе и снимайте Тело» —

К кресту Аримафей бегом.
И вот на Теле дорогом
Уничижений и обид
Следы немыслимые зрит.
И сам, терзаясь преждестоко
Пред Телом мертвого Пророка,
Он страже говорит: «С креста,
Пустите-ка, сниму Христа». —
«О том и думать, иудей, —
Охранники в ответ, — не смей!
Ведь голосил Он: наяву,
На третьи сутки оживу.
Пусть оживет, но наперед
Пусть, как положено, помрет» —

«Приказано мне снять Его.
Пилата слово таково».
А те: «И не проси о том.
Иначе и тебя распнем».
Иосиф кинулся назад
К Пилату и кричит: «Грозят
Мне воины, как бунтари,
И, что я им ни говори,
Ответом то плевки, то брань,
Мол, докучать нам перестань!
Я о приказе им толкую,
А солдафоны ни в какую».
Словам Иосифа не рад,
Оглядывается Пилат.
Кого, мол, в помощь, утрудим?
А рядом — некто Никодим.
Пилат окликнул Никодима.
Мол, подсобить необходимо.
«Ступайте, — говорит, — вдвоем.
О слове помните моем».

Сие сказав, Христов фиал
Пилат Иосифу отдал.
И то: искуснее и краше
На свете не бывало чаши.
«Тебе Он был милей родни, —
Сказал Пилат, — за то храни
Сие сокровище. Владей
Им нераздельно, добродей».
Расщедрился Пилат: видать,
Себя перед людьми признать
Вершителем недобрых дел
Сей прокуратор не хотел.
И вот на кузню полетели
Те иудеи. И о деле
Сказавши мастерам своим,
Забрали клещи и вдвоем
Исполнить превеликий труд
Они к Распятию идут.
Охранники на месте. К ним
Теперь подходит Никодим.

Он не боится их и сам
Бесстрашно угрожает псам.
Он молвит: «Муками Христа,
Быть может, наконец, сыта
Бессовестная ваша свора?
Не хватит ли пустого спора?
Эй вы, воинственная рать!
Велел начальник Тело снять.
Вот поздорову-подобру
Я Мертвого и заберу.
И схоронить Его отдам
Иосифу. И спорить вам
С самим правителем не след».
Но спорят стражники: мол, нет,
Тебя не пустим, Никодим
И Мертвеца не отдадим.
Но иудеи — поперек.
«Кто повеленьем пренебрег,
Покончим, — возопили, — с ним!
На древе вас самих казним!

Собакам вашим поделом!»
Тут побежали бить челом
К Пилату стражники-злодеи.
Снимает Никодим скорее
С Голгофы Тело. Наготове
Уже Иосиф. И от крови,
Следов глумления и мук,
Омыл Его как верный друг.
Последний оказал почет.
Но зрит Аримафей: течет
И падает на камень вновь
Христова пресвятая Кровь,
Лиясь из раны — а она,
Омытая, растворена.
И праведник, как мог, ловчей,
Подставил рану под ручей
И в тот подаренный фиал
Кровь Иисусову собрал.
Иосиф рассудил о Ней:
В сосуде я всего верней

Назло и вору, и врагу
Сию Святыню сберегу».
И терпеливо, и умело,
Собравши Кровь Святую, Тело
Спасителя людей Христа
Омыл Иосиф дочиста.

И, стало быть, кровавый ток
В Иосифову чашу стек.
Тогда Иосиф пеленою,
Льняною плащаницей, кою
Купил он, с головы до ног
Господне Тело обволол
И положил во гроб пустой,
И выход завалил плитой.
Проходит день. И вот спешат
К Пилату судьи. И Пилат
Выходит. Фарисеи речь
Заводят: надо-де стеречь
Скалу, заваленную той

Тяжелой каменной плитой,
Не то найдется доброхот,
В два счета Тело украдет.
И посему поутру рано
У гроба собралась охрана.
И Господа Иосиф мой
Оставил и пошел домой.

Умерших праведников ради
Господь наш побывал во аде,
Пока, правителю служа,
У гроба бдили сторожа.
В аду от муки и печали
Во власти Сатаны кричали
Все, ибо Бес свиреп и лют.
Но праведный и добрый люд
Христос избавил для небес.
И с грешными остался Бес.
А с копьями наперевес,
Не зная, что Христос воскрес,

Охрана у Христова гроба
Стояла и глядела в оба.
Зато Марииного Сына
У гроба зрела Магдалина,
А с нею и сия, и та
Воскресшим видели Христа.
От них о превеликом чуде
Другие услыхали люди,
Заговорили, загадели,
Мол, Иисус ожил на деле,
Раз Магдалине и Петру
Живым явился поутру.
Мол, убедил он и Фому,
Сему явился, и тому,
И мирноносице Марии.
И видели его другие.
А сторожа подняли крик
И к фарисеям напрямик
Помчались доложить об этом.
И фарисеи всем советом

Тут затевают шум и гам.
«Ой, горе, — воют, — горе нам!»
Твердят, что скрылся *Иисус*
Из гробовых пелен и уз,
И что отвалена плита,
И что гробница, мол, пуста,
Коль верить слугам, а навряд
Они неправду говорят.
«А коли нет Его нигде,
Быть, — голоса, — большой беде!
Но мы Пилата убедим.
Речем, что Тело Никодим
С Иосифом снимали — знать
Им за Него и отвечать».
И положили так сии
Старейшины и судии:
«Пилату не боясь речем:
Мы в похищеньи ни при чем.
Иосиф с Никодимом эти
Единые за все в ответе.

И с них за Иисуса спрос.
А кто ж еще Его унес?
По их вине пуста гробница.
Им пред тобою и виниться».

И в синагоге все подряд
Так фарисеи говорят:
«Обоих надо в кандалы.
Они за Иисуса злы
На нас и, верно, заопят,
Что Иисус зазря распят.
Но мы их схватим, а засим
Виновниками огласим.
Ужо помучим их, притвор.
Объявим, что Иосиф — вор».

Вот так и рассуждали в лад
На том совете стар и млад.
Затеял зло синедрин.
И приговор произнесен.

А Никодима верный друг
О том оповещает вдруг.
И он, опасностью гоним,
Бежал, когда пришли за ним.
Стучат — а им ответа нет.
Вошли — а Никодима след
Простыл уж: в доме ни души.
Тогда возьми и поспеши
Первосвященникова рать
Иосифа вязать и брать.
Озлобились, ломают двери,
Неистовствуют, точно звери.
Лютуют, голосят в ночи:
«Эй! Признавайся! Не молчи!
Почто пуста Его гробница?
Где Тело мертвое хранится?»
Иосиф, терпелив и тих,
Удостоверивает их:
«В гробницу из последних сил
Я Иисуса положил»

И отбыл. А дозор у скал
Людей к ней больше не пускал». —
Но Иисусовы враги
Опять ему кричат: «Не лги!
Тебя единого к ответу!
В гробнице Иисуса нету!» —
«Не вем. В саду четыре дня, —
Речет он, — не было меня.
И, ежели пуста гробница, —
Не на Иосифа браниться!»

Но, нечестивые, в ночи
Его пытали палачи:
Иль уговаривали, или
Секли и батогами били.
И наконец, уж на рассвете,
Иосифа злодеи эти,
Первосвященники-врали
В узилище поволокли
И, пленника в темницу бросив,

Дабы томился в ней Иосиф
Себе на муку и на горе,
Замуровали вход в каморе.

О том проведавши, Пилат
Был злодеянию не рад
И фарисеев поносил,
Перечить не имея сил
И из узилища не смея
Освободить Аримафея.
Но Иисус Христос нигде
Не бросит праведных в беде,
От поруганий и обид
Утешит и освободит.
И в одночасье поутру
В Иосифову конуру,
Где он томился взаперти,
Христос пришел его спасти.
Свет, ослепителен и бел,
Аримафея обогрел.

Он глянул на Христа и тут
В Его руках узрел сосуд.
А накануне в сей фиал
Он кровь Христову собирал!
Кричит Иосиф из оков:
«Почто? Отколе? Кто таков,
Рассеиватель темноты?
О Господи? Ужели — Ты?» —
«Да, Небом Посланный — с тобой, —
Сказал Господь. — Не утаю,
Иосиф, быть тебе в раю».

Иосиф рек: «В моей ночи
Так ярко дивные лучи
Что не дают они, увы,
Тебя увидеть, Раввуни!» —
«Внемли началу из начал, —
Христос страдальцу отвечал.
— Род человеческий храня,
Господь-Отец послал Меня

Явиться людям во Плоти,
Меж вами быть и вас спасти.
И Я, Распятый ради вас,
Вас от мучений ада спас.
Простилось мукою креста,
Что прародителей чета
В сени Эдемowych дерев
Запрет Создателя презрев,
Запретный плод добра и зла
На радость змию сорвала.
И первочеловеков тех
За совершенный ими грех
Карая, Вседержитель Сил
С тех пор бессмертия лишил.
А порожденных ими чад
Неистовые бесы в ад
Влекли за первородный грех,
При этом забирая всех,
Всех до единого, покуда
С Марией не свершилось чуда.

Се, от жены явилось зло —
И благо от жены пришло.
И тот, и этот, и иной
Сгубились и спаслись женой.
Наказаны из-за жены,
Из-за жены и прощены!

Знай, Сына Божьего, светла,
Пречиста, Дева родила.
Оплеван с головы до пят
И на кресте людьми распят,
Однако волею небес
На третьи сутки Он воскрес.
Се — Я в обличии людском
Был фарисеями иском,
Захвачен, мучим и казним
Затем, что ненавистен им.
Иосиф тянется из уз,
Кричит Ему: «Ты — Иисус!»
И это Ты распят на древе!

И это Ты Марии-Девы
Сын! И старался, стало быть,
Искариот — Тебя сгубить!
Тебя поганый этот идол
За тридцать сребреников выдал!
И это чудо из чудес
Ты совершил — тем, что исчез!
И за Тебя, выходит, днесь,
О Боже, мне погибнуть здесь» —
«Да, это Я, Иосиф, верь,
Не размуровывая дверь,
К тебе спустился, коль темница
Тебе погибельною мнится».
Иосиф отчечает: «Равви,
В небесной воссиявший славе!
От фарисеев отжени,
О Господи, спаси меня!
Ведь очевидно: мне, доколе,
Я не умру, не быть на воле!
А я, ручаюсь головой,

Был непоколебимо твой,
Но в том не признавался, Боже.
Я числился в совете тоже
Одним из судей фарисеев,
Чьи наговоры не рассеяв,
Хоть сожаленьем и томим,
Выходит, был врагом Твоим» —
«Однако не был ты врагом,
Иосиф, в действии благом.
Себя раскаяньем не мучай.
Твое судейство — это случай.
Ты на совете был, но вскоре
Тебе мучение и горе,
В побоях тело кровеня,
Иосиф, дали за Меня.
И в том великая заслуга,
Что ты явил себя как друга.
Отец Небесный Мой тебя,
Иосиф, вдохновил, любя.
И ты, смирен, благочестив,

Пилата обо мне просив,
Мне оказал, достойный друг,
Поверь, услугу из услуг». —
«Услуга, — узник, не смолкая,
Ответствовал, — мала такая». —
«Нет, — Иисус сказал, — была
Сия Услуга не мала.
И я за преданность твою
Тебе, Иосиф, воздаю.
Когда почиешь с миром, знай:
Обрящешь небеса и рай.
А ведаешь ли, почему
Я посетил твою тюрьму,
Не приведя учеников?
Ответ, Иосиф, вот каков:
— С того, — Христос продолжил, — дня,
Когда с креста ты снял Меня,
Я полюбил тебя, узнав
Твой благородный чистый нрав.
Средь фарисейских зол и скверен

Ты был Мне неизменно верен.
Отныне Я — с тобой. И се,
Проведают, Иосиф, все,
Кто Мне друзья и кто враги.
А чашу эту береги.
Тебе ее, Аримафей,
Вручаю в знак любви Моей.
С кем чаша дивная сия
Пребудет, с тем пребуду Я.

Глядит и видит узник: снова
С ним чаша дивная Христова,
Прекрасный дорогой фиал,
Куда по капле он собрал
Господню кровь, когда с креста
Он принял снятого Христа.
В узилище фиала вид
Зело Иосифа дивит,
Дивит особе потому,
Что прежде у себя в дому

Оч скрыл божественный фиал
И про тайник никто не знал.
И се, коленопреклонен,
Так Иисусу молвил он:
«Но, Иисусе, я — твой раб.
И недостоин я, и слаб.
Пусть заповеданный сосуд
Достойнейшие сберегут». —
«Нет. Чашу — ты храни сию.
Тебе веление даю!

И передай ее троим,
Трем сотоварищам своим,
Кто, веру в Бога сохраня
И в Сына Божьего, Меня,
И в Духа Свята, кто признал
Сие начало из начал,
Признал, что суть Отца, и Сына,
И Духа Свята — триедина». —
Итак, божественный фиал

Иосиф у Христа приял.
 «И будут люди от вины, —
 Господь продолжил, — прощены.
 Кто верует в Меня, тому
 Во всякий день и час вниму.
 И ныне о тебе радею
 И воздаю как добродею:
 Ты будешь у людей в чести,
 Когда начнете вы блюсти
 Душеспасительный обряд.
 Тебя вспомнят все подряд» —
 «А как вспомнят, Раввуни? —
 Спросил Иосиф. — Объясни».

«Как в Симоновом доме, там,
 На Вечере последней, вам
 Отныне Плоть и Кровь Свою
 Я хлебом и вином даю.
 И будет эту благодать
 Народ вкушать и наблюдать,

И приобщаться ко святыне
 Неукоснительно отныне:
 Устроят возвышенье, чтоб
 Чтить положение во гроб,
 Строению сему даря
 Именованье алтаря.
 И будут полотно беречь,
 Покрывшее Меня до плеч,
 Пред ним склоняться и молиться.
 Ему название — плащаница.
 Потиром будет сей фиал,
 Куда ты Кровь Мою сбирал,
 А диском плаита большая,
 На гроб печатью налегая.
 И христиане там и тут
 Обрядом этим помянут,
 Ликуя и благоговя,
 Достойнейшего иудея
 Исифа. И знай: кто нашу
 Всочью сможет видеть чашу,

Любой, и этот, и иной
Навек благословится Мной
И будет праведен вполне,
И верен, и угоден Мне,
И Господом Отцом храним.
И присно будет небо с ним.
Он обретет души покой.
И, ежели его людской
Неправедно осудит суд,
Тем паче небеса спасут».

Однако, братья, не скрою:
Есть книга мудрая со мною.
Порой то позднею, то ранней
Историй всяческих и знаний
В той книге черпаю премного.
Сей повести она — подмога.
Узнал о чаше, что она
Была Граалем названа
И что от Господа фиал

Иосиф с радостью приял.
А Иисус как благодать
Велел ее троим отдать:
«Троим, Иосиф, подари.
И да едины будут — три.
И, силами тебя питая,
С тобою Дева Пресвятая
Останется, даруя свет.
И оным будешь обогрет
В узилище. И Дух Святой
Пребудет до конца с тобой.

Но без тебя твою тюрьму
Я покидаю. Потому
Я ухожу один, что днесь
Ты должен оставаться здесь.
И будет, темная, светла
Темница, как при Мне была.
А ты ни вервий, ни цепи
Не бойся. Душу укрепи.

Молись и веруй не скорбя.
И что от гибели тебя
Спасет, Иосиф, Дух Святой,
Запомни. И на этом стой».

Без пищи, воздуха и света
Аримафей томился где-то,
И от него друзья на воле
Вестей не получали боле.
И в Иерусалиме толк
Насчет Аримафея смолк.
А некто, юноша один,
Иноплеменный паладин,
Скитаясь долго на чужбине,
Жил в Иудее и поныне.
Паломник на Христа глядел,
Свидетелем Христовых дел
Был не единожды и сам
Его дивился чудесам.
Валили к Господу толпой

И бесноватый. И слепой.
Целил Христос недуг, паршу,
И всех чудес не опишу.
Хранитель благодатных сил,
Он трех умерших воскресил,
И встали эти трое снова.
Но фарисеи, Божье Слово
Возненавидев неспроста,
Распяли Господа Христа.
Ведь было им неумоготу
Терпеть Христову правоту.

Немало минуло годин.
И вот паломник сей, один
Из стародавних паладинов,
Уж Иерусалим покинув,
Из Иудеи прибыл в Рим.
Но об ином поговорим.
И упредим, однако, сразу:
Сын кесарев имел проказу

И прокаженного удел,
То бишь гноился и смердел.
Больного сына потому
В особом заперли дому.
И воздуху ничтожно мало
Оконце узкое впускало.
А прокаженному туда
Передавалась и еда.

Итак, спокойно, без забот
У римлян паладин живет.
Но вот они, не скрыв печали,
Ему однажды рассказали
О хвором кесаревом сыне:
«С Веспасианом худо ныне!» —
«Что, паладин спросил, — беда?»
И отвечал хозяин: «Да,
Беда большая. Ходит слух,
Совсем Веспасиан протух.
Проказа у бедняги иль,

Не ведаю, какая гниль,
Но знаю: и отец седой
Томим сыновнею бедой.
Ты, чужузедец, видел свет.
Ужель нигде на свете нет
Веспасиану лекарей?
Иль есть? Рассказывай скорей!»
Ему ответил, не скрывая,
Скиталец: «Из чужого края
Я прибыл, повидав людей.
Да, жил меж ними чудодей.
Честь чудодеем и хвала —
Творил великие дела.
Он именем небесных сил
Недути исцелял, учил,
И на него, на ясновидца,
Народ не уставал дивиться.
К нему чуть не со всей земли
Страдальцы хворые несли
На исцеление свои

Болячки, язвы, лишаи.
Да, он целил недуг, паршу,
И всех чудес не опишу.
От разных исцелялись зол:
Немой — вещал, безногий — шел.
Завидуя чудесной силе,
Старейшины его хулили
И гнали отовсюду вон,
Бессильные целить, как он».
Закончил юный пилигрим.
«А что, — спросил хозяин, — с ним,
Пророком, сделалось и как
Звался он, врачеватель-маг?» —
«Скажу. Прозвание его, —
Ответил странник, — таково:
Пророк и врачеватель — это
Был Иисус из Назарета.
А книжники и фарисеи
Со всей собрались Иудеи,
Из ненависти сообща

Пророка погубить ища.
И злое сборище сумело
Позорное обделать дело.
И Иисуса, как врага,
Секли, раздевши донага.
Осмеян в Иерусалиме
Сотражданами был своими,
И на Голгофе от людей
Распятие принял чудодей.
А не умри он, от проказ
Страдальцев многих бы упас.
Да и с Веспасиана, верно,
Сошла б таинственная скверна». —
«Но, человече, объясни, —
Хозяин рек, — почто они,
Псы, поступили так жестоко,
Распав целителя, пророка?» —
«Распали, правоту поправ,
Ведь Иисус Христос был прав». —
«Но, — рек хозяин, — как далече

Сие случилось, человече?» —
«Край, — отвечал он, — разумею
От нас далекий — Иудею.
А прокуратор, кем распят
Был Иисус, звался Пилат.
Сия земля во власти Рима».
Спросил хозяин пилигрима:
«А ты бы кесарю, сынок,
Поведать эти сказки мог?» —
«Поведать мог бы сказки эти
И кесарю, и всем на свете».

Хозяин, услышав рассказ,
Из дома поспешил тотчас
В покои царские. Идет
И кличет кесаря. И вот,
Его завидев, в сей же миг
Выкладывает напрямик
Благую странникову весть,
Рассказывает, всё как есть.

Премного кесарь удивлен.
Вцепился в римлянина он:
«Скажи-ка, небылица иль, —
Он вопрошает, — это был?»
А римлянин: «Быль, господин.
Ес: слышал не я один,
И ныне и тебе, и всем
Сию историю повем».
А кесарь старику: «Так что ж
К нам пилигрима не ведешь?»
И римлянин назад домой
И гостю: «Повесть, сыне мой,
Пересказал я слово в слово.
А кесарь хочет слышать снова.
Где, спрашивает, пилигрим?
Зови его, поговорим».
А гость в ответ: «Я и при нем
Готов все повторить. Идем».

Явились к кесарю, и там,
В покоех кесаревых, сам
За римлянином и чужак
Всё повторил, мол, так и так.
Все чудеса наперечет.
И кесарь чужаку речет:
«Что ж, если то, о чем ведешь
Рассказ, не выдумки, не ложь,
Ручаюсь, щедрой будет плата:
Получишь серебро и злато».

А удивительный рассказ
Пришельца и на этот раз
У кесаря, да и у всех
Служителей имел успех.
И эти слушали, и те,
Дивясь известью о Христе.
А, высушав, и сами вскоре
Заговорили. В разговоре
Раскинули и так и сяк.

Пилата порицает всяк.
Мол, и хитер он, и жесток,
И без вины казнен пророк.
В его погибели Пилат,
Конечно, первый виноват.
А Понтия Пилата друг
На крики кесаревых слуг
Ответил: «Не согласен я.
Пилат — мудрейший судия
И, справедливый суд творя,
Людей не осуждает зря»
Тогда спросили чужака,
Желая знать наверняка
И боле ни о чем не спорить:
«Поведай, пилигрим, вдругорядь
Сей необыкновенный сказ,
Кого да как правитель спас.
Да был ли то иль небылица?
Хотим, однако, убедиться».
И, славя житие Христово,

Поведал чужеземец снова
Про ясновидца и врача,
Который, немощных леча,
Исполненный небесных сил,
Веспасиана б исцелил.
Рассказчик рек всему двору:
«Нигде в сей повести не вру.
Верна об Иисусе весть!
Сему и подтвержденье есть:
Христова одеянья вид
Любого хворого целит.
Прошла б при этом без следа
И прокаженного беда»
Однако, слушая, народ
Рассказ на веру не берет.
Не могут люди надивиться,
Твердя: «А если небылица —
Заманчивая речь твоя?
Пошлем, положим, в те края
Удостовериться слугу.

А если лжешь?» — «А если лгу
И выдумка мои слова,
Наказывайте, но сперва
Вам убедиться бы самим!
Ступайте в Иерусалим.
А там, ручаюсь головой,
Расскажет о Христе любой.
Нет, я не выдумщик, проверьте,
И, коль солгал — предайте смерти!»
И было много голосов:
«Тебя посадим под засов.
Побудь, покамест твой рассказ
Проверим, пленником у нас».
Схватили за благую речь
И стали странника стеречь.

«Весгимо, — кесарь слугам рек, —
Путь в Иерусалим далек.
Однако, если с кораблем
Гонца толкового пошлем

К далеким этим иудеям,
Наверное, уразумеем.
Вдруг Иисус — был маг? И вдруг
Навек избавится от мук
Одеждою его одной
И исцелится наш больной?
Вот благодать так благодать!
О том не можно и мечтать»

А в безотрадном, как темница,
Дому Веспасиан томится.
Услышать вести чужака
Ему отрада велика.
И он, и телом, и душой
Воспряв надежде пребольшой,
К отцу взывает, говоря,
Что бесполезны лекаря,
Что страждет он и днем и ночью,
А ныне увидел воочью,
Что не от снадобий и трав

Он будет совершенно здрав,
И зреть служителей унылых
В окошке, дескать, он не в силах.
Уже о необычном деле
По Риму слухи полетели.
И вскоре жители узнали:
В заморские чужие дали,
К Пилату в Иерусалим
Посланник кесарем своим
Отправлен выпросить о чуде,
Послушать, что расскажут люди,
Уразуметь, пророка или
Обманщика они казнили.
Ну, а посланником притом
В сем предприятии непростом
Назначен человек весьма
Незаурядного ума.
Он разузнает все. И буде
Пророка погубили люди,
Какую-либо, стало быть,

Его вещицу раздобыть
И оную донести до Рима
Реликвию необходимо.
А коль Пилат и лих, и зол,
Пилату да речет посол,
Что, праведников, мол, губя,
Пеняй, правитель, на себя.

Итак, послы отплыли вскоре
И переплыли сине море,
Бессчетные минуя мили.
И наконец к земле приплыли.
И на берег сошли. И вот
Посол гонца к Пилату шлет.
А ну, мол, сказывай, Пилат,
Кто некогда тобой распят?
Ты был несправедлив и лют —
Так поговаривает люд.
И, о замученном скорбя,
Разгневан кесарь на тебя,

Что ты, неправеден зело,
Великое содеял зло,
И посему, Пилате, днесь
Я, кесарев посланец, здесь.
Исполни ж кесарев наказ:
Осведоми о деле нас».

Пилат знавал сего посла.
Меж ними и приязнь была.
Посланец сей — высокочтим.
Оставил Иерусалим,
О важном госте услышав,
И с челядинцами стремглав,
Доброжелателен, открыт,
Навстречу римлянам спешит
Нместник кесарев Пилат.
А римляне — к нему спешат.
И вот посланцы, поясним,
Сошлись в Аримафее с ним.
Не высказал посол, однако,

Ни дружбы, ни приязни знака,
О деле давешнем пока
Не разузнал наверняка.
Сперва он зачитал само
От императора письмо,
То бишь короткий без прекрас
Об Иисусе пересказ.
Закончил чтение посол.
Пилат и бровью не повел.
«Ответствую гостям из Рима, —
Правитель рек невозмутимо, —
В посланье истина была.
Такие именно дела». —
Дивятся гости. «Ну и ну,
Так, стало быть, свою вину
Ты, говорят Пилату, — все ж
Не отрицаешь, признаешь
И говоришь себе во вред?»
И меж собой решают: «Нет,
Помилуют его навряд.

К повешенью приговорят»
Но тут посол к Пилату в дом
Безотлагательно ведом,
Где кряду несколько часов,
Замкнувши двери на засов,
Сам сказывал Пилат, зане
Соврет молва на стороне.
Итак, история сначала
Об Иисусе прозвучала.
Сказал про юные лета,
Поведал о делах Христа
И молвил наконец о том,
Как измывались над Христом.
Признался, что не раз слышал,
Как голосили: «Плут! Нахал!
Обманщик» — о самом Христе
Лихие фарисеи те.
И рек, рассказывая дале,
Правитель, как Христа предали:
«Молчанием не обойду:

Предал Искарот за мзду.
И к Симону вломились в дом.
И был Он стражею ведом
Ко мне на суд. И всех слышнее
Его хулили фарисеи.
А я ответил краснобаям,
Что мною он освобождаем
От обвинений-пустяковин.
Он, объявил я, невиновен.
Тогда вошли осатанев
Его хулителю во гнев.
Первосвященники и знать
Во всю пустились угрожать.
Неистовствовали, меня
За доброту мою кляня.
Не мог идти я сопротив.
И, бесноватых укротив,
Я говорю им: «Не хочу
Уподобляться палачу
И быть с мучителями вместе.

Я, говорю, пекусь о чести
И твердо говорю вполне:
Невинной крови нет на мне!
А крикуну: «Не суесловь!
Да будет Иисуса кровь
На наших детях и на нас!»
Таков был иудеев глас.
И налетели, и жестоко
Сekli-кровавили пророка.
Изранен с головы до пят,
Он был злодеями распят.
О том свидетельствует свет.
И повторяться нужды нет.
Однако же и почитаться
За изверга и святотатца
Нимало не хочу и всем
Во всеуслышанье повем:
Да, отвратительнее зла
Толпа содейть не могла.
Но объявляю: я не с ней!

Я рек им' ясного ясней:
«Чист Иисус, а посему
Греха на душу не возьму,
Но умываю руки» Се
На площади слышали все.
В то время, преданность храня,
Служили, впрочем, у меня —
Один достойный иудей
И пятеро его людей.
А звали одного слугу
Иосифом. И не солгу,
Служил он, не жалея сил.
«Позволь, — Иосиф попросил, —
Снять убиенного с креста».
Дрожали у него уста
От горя. О слуге радея,
Я внял желанью иудея.
И он поднялся на настил,
Снял, и унес, и поместил
Казненного в одной из скал,

В какой гробницу изыскал.
Ушел Аримафей тогда.
А из гробницы без следа
Мертвец — о чудо из чудес! —
Неведомо куда исчез.
Корысть какая и кому,
Я сам, признаться, не пойму.
Однако истина видна:
В распятие — не моя вина».

Пилата выслушал посол
И лиходеем не почел.
И рек Пилату не тая:
«Вина, согласен, не твоя.
И ты, Пилат, непогрешим.
Вестимо, так и порешим
Когда свидетели подряд
Нам эту повесть повторят». —
«И очевидцев, и молву, —
Пилат ответил, — призову.

И повторит и стар, и млад:
Во зле не виноват Пилат». —
«Ну ладно. Ежели таков,
Зови молодых и стариков.
И да сойдутся, как на форум,
И засвидетельствуют хором
Ерусалимляне, что честь
Твоя непогрешима есть».

Правитель действовать готов.
Правитель разослал гонцов.
Внемлите, дескать: отовсюду
Себе свидетелей добуду.
Велели: иудеям весть
О прорицателе довести,
Как есть, до сведенья посла,
Чтоб оправдала и спасла
Она правителя. А сам
Пилат искал и там, и сям
Вещицу эту либо ту,

Принадлежавшую Христу,
Как требовал того посол.
Искал Пилат и не нашел.

А иудеи на гонцовы
Призывы отвечать готовы.
И отовсюду римлян ради
Сошлись в Ерусалиме-граде,
О происшествии былом
Спеша потолковать с послом.
И засвидетельствовать ту
Правителю правоту.
Итак, пришел народ на зов
Его, правителя гонцов.
«Вот, — объявил Пилат, — посол.
Он, иудеи, к вам пришел,
Желая разузнать о том,
Кто и прилюдно, и тайком
Целил людей без всяких зелий,
Понеже был целитель велий

И врачеватель душ и тел.
Наш кесарь ныне захотел
Об Иисусе разузнать.
Скажите, вы, рабы и знать:
Целителя сего не вы ли
Возненавидевши убили?
Вмешались главные умы:
«Целителя убили мы,
Поскольку мнил себя царем.
Да, мы, посланник, не соврем,
Его предали смерти лютой.
Нас с прокуратором не путай.
Он в самом деле ни при чем,
Тебе, посланнику, речем.
Да, мы повинны в сей крови:
Себя царем да не зови,
Когда над нами днесь и встарь
Один лишь кесарь-государь.
Нам проповедник был врагом.
Смерть Иисусу поделом!»

«Вот видите, не я в ответе, —
Сказал Пилат, — но люди эти,
Старейшины и богачи.
Им покоряйся и молчи».
Пилата выслушав, посол
С народом разговор завел:
«А сам Пилат, удостоверьте,
Желал ли Иисусу смерти?»

Свивая заключений нить,
Хочу, о люди, уяснить,
Каков был приговор суда
Пилатова — нет или да?» —
«Нет — приговор был, господин, —
Заголосили, как один. —
Правитель сказывал в ответ,
Что, мол, невинной крови нет
Ра нем. А наш ответный сказ,
Что кровь невинная на нас,
На наших детях Кровь Его!

Так требовало большинство!
Ты о Пилате не радей.
За Иисуса он, злодей».

Но крикунов и заводил
Гость выслушал и рассудил,
Что, ежели всё так, навряд
Злодеем выйдет Пилат.
Затем просил в который раз
Ему исчислить без прикрас
Дела искусника-врача.
В ответ отозвались, крича,
Что множество калек, и хворых,
И прокаженных, от которых
Отказывались лекаря,
Он исцелил чудотворя.
«И вот, — сказал посол, — о чем
Мы напоследок вам речем.
Какая-то Его вещица,
Быть может, у кого хранится?

Хотим сие доставить в Рим.
Владельца отблагодарим».
Молчали иудеи. «Ну,
Я знаю некую жену, —
Уведомил один посла. —
Она вещицу сберегла.
Да вы кого-нибудь за ней
Пошлите сами. Так верней».
«Однако знать желал бы я,
Как прозывается сия
Вещицу скрывшая жена?
И где, скажи, живет она?» —
«Неподалеку, у колодца.
И Вероникою зовется».
Тогда правитель к ней самой
Направил вестника домой
Сказать хозяйке, что она
К посланцам-римлянам звана.
Хозяйка, побросав дела,
К Пилату тотчас прибыла.

Глядит правитель: гости вид
Правителя весьма дивит.
Достатка нету и следа —
Бледна, оборвана, худа.
Но прокуратор ей на диво
Почтительно речет, учтиво:
«Как сказывают, от провидца
Безделка некая, вещица
Осталась у тебя в дому.
Что за вещица, не пойму?
Не откажи, любезна будь,
Позволь на сей предмет взглянуть».
Испугана, вздыхает тяжело
Ерусалимянка, бедняжка.
Бормочет, истину тая:
«Прости, не виновата я!» —
Слезами залилась. А тут
Посланцы-римляне идут.
Выказывают ей почет.
И старший римлянин речет,

Что опасаться их не надо,
Они — послы из Рима-града
И просят оказать им честь.
К ней, Веронике, просьба есть.
Не сохраняет ли она
Вещицы либо полотна,
Которое от злых хвороб
Чудесно исцелять могло б?
И Веронике честь-хвала
От кесаря тогда б была.
«Не у тебя ли от провидца
Осталась ветошка, тряпица? —
Посланцы женщине рекут. —
Продай, пожалуй, сей лоскут».
И Вероника зрит: увы,
Не схорониться от молвы,
Не скрыть бесценного платка.
И, горделива и кротка,
Им молвит: «Никакая плата
Такого не оплатит плата.

Иисову святыню вам
Ни в коем разе не продам.
До смерти не расстанусь с ним.
Но, ежели согласен Рим,
До императорских палат
Снесу я Иисусов плат,
Сложив в дорожную суму
Сама, — не верю никому». —
Ну, а посольство Рима-града
Ответу иудейки радо.
Посол речет: «Согласен Рим.
Тебя мы отблагодарим,
Не сомневайся, а пока
До Иисусова платка
Хочу коснуться и сию
Узреть святую кисею». —
А иудеи, чуть не плача
От зависти: «Вот так удача!
Счастливице, конечно, уж
Обломится немалый куш»

«Но подождите-ка чуток.
Я чудодейственный платок
Сокрыла у себя в дому.
Пойду сокровище возьму», —
И за святыней для посла
Она немедленно пошла,
Однако не корысти ради
И не радея о награде.
Заветный вынула ларец,
Раскрыла, смотрит... Наконец,
Как обещала, воротиться
Спешит к посланцам. И тряпица
Развернута пред ними. «Вот
Платок, каким кровавый пот
Я Иисусу стерла с лица», —
Посланцам молвит Вероника.
И не успела молвить — тут
Скорее римляне встают.
Пред тем сидели, но подряд
Все, как один, уже стоят.

И дивен женщине почит.
«Стоите почему?» — речет.
«Но ты ж поведала о чуде, —
Рекут ей прибывшие люди. —
Помилуй, в лени и покое
Не усидишь, узрев такое!
Но нам поведай заодно,
Как получила полотно?»
И женщина посланцам тем
Речет: «Пожалуйте, повем.
А дело было так: иду,
Платок надела на ходу —
Льняной материи лоскут.
Навстречу Господа влекут.
А я на месте и застыну!
Несчастный тащит крестовину!
А те, кто Иисуса вел,
Мне крикнули: а ну-ка, мол,
Своей тряпицей, Вероника,
Лоб Иисусу промокни-ка!

Ну, я и бросилась к Нему
И Мученику моему
На Лике промокнула пот
Своим платочком. Так-то вот.
И боле стражники не ждали.
Влекли уж Иисуса дале,
Свирепость брани и побоев
Противу Господа удвоив.
А на тряпице-то моей,
Убогоньком платке, ей-ей,
Остался, — молвит Вероника, —
Христова отпечаток Лика!
А коли сей почтенный люд
За платом аж из Рима шлют,
Чтоб исцелить чужую боль,
Скажу, посол, тебе: изволь,
Платок в дорожную кису
Сложу и кесарю снесу».
И Веронику все подряд
Посланники благодарят

За то, что, отложив дела,
Она согласие дала
Отбыть немедля с ними, чтобы
Юнца избавить от хворобы,
Явив ему чудесный плат.
Поплыли римляне назад
И наконец вернулись в Рим.
В конце еще договорим,
Что кесарь, радостен и светел,
Посланцев долгожданных встретил.
«Ну что, — спросил. — Паломник прав?» —
«Прав, ни на йоту не соврал, —
Рекут послы. — Жесток и лют
Далекий иудейский люд.
Узнай: Христа, о Нем нimalo
Не пожалев, толпа распяла.
И ныне мы убеждены,
Что на Пилате нет вины!»

«Итак, с печальной вестью в Рим
Вернувшись, — молвит кесарь им, —
Вы ничего из той земли
Повеселей не принесли?» —
«Нет, отчего же, кесарь! Есть
У нас и радостная весть.
Желаем, кесарь, похвалиться.
Ерусалимянка-пришлица,
Сжимая Иисусов плат,
Нас ожидает у палат».
И кесарь наш возликовал:
И сдобрений, и похвал
Премного, покидая зал,
Своим посланцам наставлял.
«Как верноподданные ныне
Вы порадили о святыне», —
Закончил кесарь у дверей —
И к иудеянке скорей.
Его почтение к ней велико.
«Пришелица, — речет владыка, —

Прodelавшая долгий путь
Жена, благословенна будь» —
«С твоими прибыла людьми, —
Ответствует она. — Прими.
Тебе реликвию сию
Для прокаженного даю.
О здравии его ревную». —
И развернула ткань льняную.
И император бьет поклон,
Христову Лику изумлен,
И говорит ей: «Право слово,
Явленья дивного такого
Не видывал донныне свет,
И Лика совершенней нет». —
И, радостных не пряча слез,
Немедля император снес
С заветным Образом суму
В покои к сыну своему
И передал суму с трудом
Чрез малое оконце в дом.

Что ж! Приукрашивать не буду:
Великому свершиться чуду
Была судьба. Платок забрав,
Стал Веспасьян на диво здрав.
«Смотрите, люди, наконец! —
Счастливый закричал юнец. —
А тело-то мое на диво
Теперь и гладко, и красиво!

Я, — молвит, — не опасен впредь.
Пура засовы отпереть»
Так от болезни мерзкой он
Воистину освобожден.
И здрав, и весел, и румян,
Среди людей Веспасиан.
И о непостижимом чуде
Друг другу повторяют люди
И пересказывают весть,
Отколь такое чудо есть.
Открыл и страннику народ

Тюрьму, и встретил у ворот,
И весть про чудные дела
Ему изложена была.
А он: «Ну, а моя верна ли
История?» — «Верна» — признали...
Владыки слово нерушимо:
От кесаря для пилигрима
И для владелицы платка
Была награда велика!

А Веспасьян, узнав о том,
Как издевались над Христом,
И возмущаясь, и не стерпев,
Выказывает лютый гнев
И молвит, палачей кляня:
«Они узнают у меня»
А кесарю-отцу речет:
«Сим иудеям не почет,
Но осужденье и хула
За нечестивые дела»

И снова кесарю, глаголя:
«Владыки превелика воля,
Но воли боле у Того,
Кто побеждает естество
Невидимо издалека!
Вот эта воля — велика!
О сколь силен Он, если мог
Свести коросту с рук и ног,
А эскулапы всей земли
Ее сводили — не свѣли!
Вот Кто воистину велик!
Вот Кто владыка из владык!

Се, просьбы излагаю суть.
Не откажи, не обессудь.
Дружину собираю я
И в чужедальние края
Врагам Христовым на беду, —
Сказал Веспасиан, — иду». —
«Путь в Иерусалим далек, —

Отец Веспасиану рек, —
Но ты, возлюбленное чадо,
Ступай. Казнить виновных надо». —
И, радостию обуян,
Возликовал Веспасиан.
Вот что известно о святине.
И знайте: в Риме и поныне
Достоинной Вероники плат
С благоговением хранят.

В поход Веспасиан спешит.
И вот прошел по Риму Тит
И клич промеж отважных бросил.
И вот уже гребцы у весел.
И воинство плывет скорее
К земле далекой Иудее.
И, наконец, оно приплыло.
Немалая у римлян сила!
Пилат испуган: эка рать
Должна кого-то покарать!

Готов, однако, дать отчет.
Веспасиану так речет:
«Мой повелитель! В сем краю
Вершить свой долг не устаю.
Казните-милуйте слугу.
Все исполняю, что могу». —
«Я не помилю, казню, —
Рек Веспасьян, — предам огню
Того, кем Иисус распят». —
«Пропал я, — думает Пилат,
Заслышав эту речь. —
И голова, уж верно, с плеч!
Онец, расправу учиня,
Казнит, конечно, и меня». —
А все ж, уверенный на вид,
Веспасиану говорит:
«Я твой, о государь, слуга.
И, коль согласен ты, врага
Христова я без лишних басен
Тебе явлю». — «Яви, согласен».

«Тогда запри меня в тюрьму.
А заперт я, мол, потому, —
Объявишь городам-округам, —
Что был я Иисусу другом!»

Итак, решителен и рьян,
За дело взялся Веспасьян,
Из каждого селенья, края
Людей на площадь собирая.
«Мне, — рек он, — правда дорога.
И, друга розня от врага,
Я, чтоб царила правда впредь,
Намерен дело досмотреть.
Я увязать желаю нити
Всех доводов. Ну! Говорите,
Душою не кривя. Итак:
Кто Иисусу друг, кто враг?»
Псы-иудеи говорят:
«Знай: Иисусу друг — Пилат,
А нас при том не обогли!

Ведь Иисусу мы — враги.
И пусть в тюрьме сидит Пилат,
Раз Иисус не им распят.
Не заслужили мы тюрьмы.
Распяли Иисуса мы,
Поскольку вынести не можем,
Чтоб смертный звался Сыном Божьим
И уверял, что он один
Над нами царь и господин»
Сказал Веспасиан: «Пилат
И: удостоен не наград,
А заточения в острог
За то, что был к Нему не строг.
Пилатом более, чем Рим,
Знать, Иисус боготворим.
Теперь потребую от вас
С начала до конца рассказ.
Рассказывайте-ка сполна,
Как осуждали хвастуна,
И кто из вас, удостоверьте,

Искал для Иисуса смерти,
Кто Иисуса мучил боле,
И большинство ли, меньшинство ли
Из вас, осведомлюсь опять,
Возжаждало Его распять?
Кто был гонителем, причем
Кто — судьей, кто — палачом?
Ну, словом, искренне вполне,
Как было, расскажите мне». —
И ожила людская скверна.
«Мы кесарю служили верно,
А недостойный — лишь Пилат,
И поделом, — скоты твердят, —
Ему тюремная морoka
За то, что полюбил пророка!»
Клянутся, что чисты, крича
Про Иисуса-ловкача,
Как фарисеев и менял
Он порицал и выпонял.
Признались, как за хвостовство

Возненавидели Его,
Сказали, как один фискал
Им Иисуса и предал
За тридцать сребреников, как
Предатель сей и подал знак.
Пророк не минул западни.
Связали пленника они!
Злорадны фарисеев рожи:
«Я бил! — Я тоже бил! — Я тоже!
— Я первым! — Я вторым! — Я третьим!»
Анафема собакам этим!
И заверяют Веспасьяна,
Что Иисуса утром рано
Ввели к Пилату, а Пилат
Рек: «Иисус не виноват».
Видать Пилат от этих дел
Остаться в стороне хотел.
Сказал в защиту хвастуна,
Что, коли спросят, чья вина,
Желает, дескать, дать ответ:

Его вины в распятье нет.
Знай: истина речений этих —
Что лишь на нас и наших детях
За Иисуса вся вина —
Неоспорима и верна!
«Вина, — рекут, — на нас с детьми.
И ты, Веспасиан, вонми
Правдивым нашим голосам
И рассуди, владыка, сам,
Спросив любого очевидца, —
Кого карать и кем гордиться!»

И, ярым гневом обуян,
Свершает суд Веспасиан.
О злодеянии трубя,
Народ сей выказал себя.
Веспасиан поганных псов
С проклятиями да под засов,
Ну, а Пилата с похвалой
Он из узилища долой.

Пилат и говорит: «Ответь,
Кому в узилище сидеть?
Чарод Иуды или я
Неправедный был судия?» —
«Нет, ты, наместник, неподсуден.
Неправеден — народ Иудин, —
Владыка молвит: таково
Решенье наконец его. —
Огнем повыжгу фарисеев,
Останки по ветру рассеяв». —
Собрал гонителей Христа,
Числом не мене полуста.
«Из вас ни одного судью, —
Сказал, — не пощажу, убью!
Позорной смерти вас предам,
К кобыльим привязав хвостам»
Не спасся ни один злодей.
Вмиг разорвали всех судей
Кобылы за вратами града.
Врагам Христовым так и надо!

Народ перепугался дико:
«Почто свирепствуешь, владыка?» —
«Отмщаю Иисуса, но, —
Сказал владыка, — заодно,
Не видя гроба наяву,
И вас конями разорву».
«Невинных от виновных розни!
Сие Иосифовы козни! —
Кричат. — Избавь нас от тюрьмы!
Где Иисус, не знаем мы»
То страхом полные, то злобой,
Твердят: «С Иосифа, попробуй,
Спроси о Теле» А Пилат:
«Напрасно крикуны кричат.
Иосиф Мертвого погреб.
А после Иисусов гроб
Они, говоруны-врали,
Три дня, три ночи стерегли.
Во всеуслышанье Пророк:
«На третий день воскресну», — рек.

Вот их ватага и глядела,
Чтоб захороненное Тело
Не выкрал ученик Его
И не свалил на волшебство,
Иначе люди б завопили,
Что муж благой лежал в могиле! —
«Я всех вас за сию вину, —
Сказал Веспасиан, — распну». —
«Тогда, — отвечают они, —
Не нас — Иосифа распни.
Армафей ведь Тело нес.
С Аримафея же и спрос».
Но кесарь правду видит вьяве.
И фарисеевой ораве
Он обещает напрямую
Расправу лютую, такую,
Что все, от стариков до чад
Затрепетали и молчат.
Внезапно из толпы один
Является простолудин:

«Тебе, владыка, порадею.
Введу тебя к Аримафею.
За помощь же прошу мою:
Меня помилуй и семью!» —
«Согласен. Ни тебе урону
Не будет, ни семьи не трону».
Еврей привел его в тюрьму
Иосифову и ему
Показывает на запер:
«На этой двери до сих пор
Надежно держится замок.
Уйти Аримафей не мог.
И даже сам правитель, верь,
Не ведает про эту дверь».
Сказал Веспасиан еврею:
«Однако же не разумею,
Почто Иосифа тайком
В застенке держите таком?»
И снова Веспасьяну сей
Рассказывает иудей,

Что, мол, Иосиф неспроста
Снимал и хоронил Христа,
Что, коли Иисус исчез,
Сие не чудо из чудес.
Но из пелен и покрывал
Иосиф Тело и украл.
Решили мы: Иосиф страшен.
Запрем его в одной из башен.
В тюрьме б ему и удузиться!
А что до мертвого провидца:
Где, спросят, Иисус? Речем:
Иосиф не был палачом,
Но Тело спрятал. Стало быть,
За это подлеца и бить!
И пусть поплатится Иосиф,
Где, неизвестно, Тело бросив,
Крича, что волею небес
Сын Божий Иисус воскрес,
Что мы, Иудины сыны,
Исчадья, дескать, Сатаны.

И пусть, решили мы в тот год,
В тюрьме Иосиф и сгниет.
Владыка молвил, затужив:
«Воистину ль Иосиф жив?
Сознайтесь, в башне, как в могиле,
Не труп ли вы захоронили?» —
«Ни-ни! Помучили немного —
И проводили до острога.
Загнали в каменный придел
И заточили, чтоб сидел,
Ведь обвиненья взаперти
Ему на нас не возвести». —
«И взаперти, не ел, не пил,
Иосиф, думаете, жив?» —
«Не знаем и, на самом деле,
За узником не доглядели.
Давно сидит. Живой навряд», —
Сыны Иуды говорят.

Владыка покачал головой.
«А может статья, и живой,

Коль скоро узнику Пророк
Держаться в конуре помог.
От Иисусовых пелен
Я сам чудесно исцелен.
А уж Иосиф-то благой
Ему и другом, и слугой
Служил и давеча, и днесь
Из-за Него томится здесь.
А Иисус ни здесь, нигде
Не бросит верного в беде.
И потому хочу войти
И зреть того, кто взаперти.
И вскрыта наконец темница.
«Иосиф» — крикнул, но добиться
Ни звука не сумел в ответ.
А свита: «Да, ответа нет.
Армафей давненько там.
Ответа и не будет нам.
Без пицци после стольких лет
От узника один скелет».

«Морочить простаков идите, —
Ответствует владыка свите, —
А я в кончине очевидца
Хочу воочью убедиться».
Он Иисусову слугу
Зовет, но снизу ни гу-гу.
И сходит вниз владыка сам,
И долго ищет там и сям.
В потемках обошел подвал.
Там поглядел, тут побывал.
Негаданно-нежданно глядь,
Поодаль-то, где тишь да гладь,
Какой-то угол сиян.
Туда идет Веспасиан.

Идет Веспасиан, и вот
Пред ним Иосиф предстает.
«Почто ко мне из дальних стран
Пожаловал, Веспасиан?»
Не столь слова сии, сколь вид

Премного пришлеца дивит.
Речет: «Прикованный к стене,
Откуда знаешь обо мне?
И не ответил из тюрьмы
Почто, когда кричали мы?
И сам ты кто? Реки скорее» —
«Иосиф из Аримафеи». —
«Ужель? От глада и оков
Не изнемог? И жив-здоров?
Сие как знаменье приму.
Бог, стало быть, сошел в тюрьму.
Неведомы Его пути.
Но лишь Ему тебя спасти»
И, торжествуя превелико,
Целует узника владыка,
Твердя: «Какой из знатоков
Тебе сказал, кто я таков?» —
«Сказал Тот Самый, Кто, далек,
От гибели меня сберег».

«Тогда, о праведник, открой:
Мою болезнь какой герой
Увращевал издалека
Единой силою платка,
Да без погляду, без показу?» —
«Болезнь? Какую же?» — «Проказу.
А все на свете лекаря,
Настои, снадобья варя,
Старались тщетно: язв на теле
Лечить, однако, не умели». —
«Кто ж, — молвил узник, — многих нас
От смерти неминучей спас?
Да и тебя, владыка, кто ж
Увращевал, как сам речешь?
Ты имя мудрому врачу
Желаешь знать? Не умолчу.
Тебе, конечно, всё открою.
И, чтоб исполнилась с тобою
Господня воля в полной мере,
Поведаю тебе о вере.

Я некогда внимал и сам
Сим заповедным словесам». —
Сказал Веспасиан: «Всему,
Что проповедуешь, внимаю». —

«Веспасиан! Сие усвой:
Я верую, что Дух Святой,
Над черной бездною паря,
Создал и сушу, и моря.
А после множество светил
На небосводе разместил,
Стихии сотворил. А дале
Его усилия создали
И ангелов — существ без тела.
К Нему их воинство слетело.
Но в сонме ангелов немало
Злых, подлых, гордых пребывало,
Желавших Бога побороть.
И многих осудил Господь.
Сии создания лихии

Он ниспослал во все края
И бушевал, ливмя лия.
Их воинства, по три подряд,
На землю, в воздух и во ад
Господь исторг из горних сфер.
Итак, трем первым Люцифер
Хозяин. И собрание это
Гонителей добра и света
Единых злодеяний ради
Находится теперь во аде.
Немалый отхватили куш
Мучители погибших душ.
Проклятье бесам и хула
За непотребные дела.
Три воинства другие тут,
Меж нами, на земле живут.
Стараются нас сбить с пути,
Закабалить, в соблазн ввести.
Ну, наконец, и вереница
Над миром, в воздухе кружится.

Рой этих ангелов-зодеев
Летит по свету, зло рассеяв.
Воздушная лихая клика
Злокозненна и многолика,
И над землею бесов туча
Парит, людей мороча, муча.
Да, таковые суть на свете
Создания проклятые эти.
Они во все земные дали
Распространили, раскидали
Пороки, злодеянья, скверны.
И ужасы сии безмерны.
Но ангелы иные есть.
В них и добро, и свет, и честь.
Их рать спокойна и тиха,
Без мятежа и без греха.
Они на небе и поныне.
А кто в пороке и гордыне
Отпал от Бога и Небес,
Прозвание такому — бес.

С небесных, стало быть, высот
Господь низринул мерзкий род
Порочных ангелов, и вот
Бог человека создает.
По Образу он Своему
Создал его, а посему
Был человек пригож и бел,
И слышал, и вещал, и зрел.
Вдобавок сердце, душу, ум
Он получил для чувств и дум
И повеленье жизнь свою
Блаженную вести в раю.
Так в райский, сказываю, сад
На место ангельское взят
Однажды человек. И тут,
В Эдеме, был ему приют.
Создатель зрит: един Адам.
«Адаму в жены Еву дам,
И как единое живое, —
Решил Создатель, — будут двое».

Так прародителями нам
И стали Ева и Адам.
Однако же от них и зло
Великое произошло:
Не пожелал Дьявол впрямь
Счастливым человека зреть.
Вот Еву искусил, и вот
Она взяла запретный плод
И плод отведала, а там
Его отведал и Адам.
Но изгнана из рая та
Ослушавшаяся чета,
Зане нарушившим запрет
В раю Эдемском места нет.
И надлежало людям впрямь
В миру трудиться и скорбеть.
И люди в скорби и труде
С тех самых пор живут везде.
А Сатана за грех в Эдеме
Над душами людскими всеми

Глумился множество эпох.
Однако милосерден Бог.
И сжалился Он, дабы мы
Могли от вековой тьмы
Освободиться наконец.
И Бога-Сына Бог-Отец
Нам ниспослал. И Приснодева,
Грехом не осквернивши чрева,
Пренепорочна и чиста,
Мария родила Христа.
И слово истины принес
На землю Иисус Христос.
Он о спасении душ радел
И множество чудесных дел
Во славу благодатных сил
Меж человеков сотворил.
И возвели Его на крест
Вблизи Его родимых мест.
Был Иисус распят. Тем самым,

Свершенный Евой и Адамом
В Эдеме первородный грех
Сын Божий искупил за всех.
И на великие дела
Того Мария родила,
Кто нас от муки и труда
В аду — избавил навсегда.
Тебе уверовать дано
Во Троицкое Одно:
Не снадобьями и не златом —
Отцом, Христом и Духом Святым,
Сей Троицей избавлен ты
От язвенной немощи,
Ведь, не вкушая, не пия,
В темнице не погиб и я.
И ныне этим словесам,
Беспасиан, верь, ибо сам
Бладыка Иисус Христос
Их предо мною произнес».

Иосифа цветущий вид
Людей собравшихся дивит.
Такое разве что приснится.
Вот размурована темница,
И погляди-ка, диво див!
Иосиф-страстотерпец жив!
А им Веспасиан речет:
«А ну, народ, подай отчет,
Где Тело Господа Христа,
Кого Иосиф снял с креста?» —
«Иосиф и радел о Теле.
А мы дурного не хотели.
Мы ни при чем! — кричат они. —
Во всем Иосифа вини».
Иосиф, правды не тая:
«Ну да, радел о Теле я.
Но и под солнцем, и в пыли
Три дня гробницу стерегли
И, чтобы не случилось кражи,
Не отлаучались ваши стражи,

С гробницы не сводя очес.
Но знайте: Иисус воскрес,
Из ада праведных извлек
И ныне от земли далек.
Реку я — и на том стою:
Отныне Иисус в раю».
Утихомирились врали.
Руками молча развели.
Тем временем Веспасиан,
Великим гневом обуян,
Схватил неправедных судей,
Кем мучим был Аримафей,
И в лодку посадил, и с ходу
Спустил посудину на воду,
Чтоб на воде лихие дни
Бесславно кончили они.
«А у кого достанет сил
Спасть?» — владыка спросил
Иосифа. И, тверд и светел,
Аримафей ему ответил:

«Кому увериться дано,
Что Триединое — одно:
Отец, и Сын, и Дух Святой,
И кто незыблем в вере той».
Веспасиан, карая псов,
Сажал иного под засов —
Родня богатых выкупала,
Платя денариев немало.
И то сказать: был зол и рьян
В Ерусалиме Веспасьян!..
О прочем рассказать пора.
Есть у Иосифа сестра.
То Енигуса, и она
Весьма достойная жена.
А муж сестры, Хеброном звать,
Иосифу, выходит, зять.
И вот, узнав, что жив Иосиф,
Они бегут, работы бросив,
Навстречу брату-своеку.
(Хеброна Броном нареку.)

Итак, спешат из дома вон
Супруги — с Енигусой Брон.
И радостно премного им:
Иосиф сей четой любим.
И сам он, их свояк и брат,
Объятиям их тоже рад.
«Христа благодарите. Ибо
Ему Единому спасибо.
Христос меня от смерти спас.
И ныне каждому из нас
Поверить надлежит в Него,
Ведь в вере — дела существо».
И после, не жалея сил,
Иосиф всюду приносил
Благое слово, что Господь
И смерть сумеет побороть,
И от мучений и невзгод
И укрепит, и сбережет.
И в слово свояка и брата
Чета уверовала свято.

И близкие, и прочий люд
Моления Иисусу шлют.
«Внемлите, други и родня,
Для истины, не для меня, —
Иосиф рек, — не для молвы,
Обязаны молиться вы». —
«Не для молвы, не для тебя, —
Рекут, — но истину любя». —
«А коли это, други, так, —
Ответствовал Иосиф, — всяк
Оставит дом, и скarb, и стадо,
Ни клади не храня, ни сада,
И в край неведомый, иной
Тотчас отправится со мной». —
Прияв согласие от людей,
Просил Иосиф-иудей
Веспасиана наперед
Простить поверивший народ.
И милость — Господу хвала! —
Поверившим дана была!

Итак, наказана страна:
Смерть Иисуса отмщена.
А наш герой Аримафей
Собрал соратников, друзей,
Оставить каждому веля
Дома, именье и поля.
И, временно ли, насовсем ли,
Отправилась в чужие земли
Община дружная сия:
Иосиф и его друзья.
И наставлял их мудрый муж
Иосиф в вере и к тому ж
Учил ремеслам и трудам.
И долго, долго жили там
И в жизни обрели такой
Они довольство и покой.
Но я про тяготу-беду
Рассказ отныне поведаю.
Узнайте: к поселенцам зло
Однажды тяжкое пришло.

Пропали прахом их труды.
Никто не миновал беды.
Иные наступили дни.
И были для людей они
Унылы, тяжелы, лихи,
Как наказание за грехи:
За любострастие и похоть.
И принялись стонать, и охать,
И жаловаться стар и млад:
Нас извели чума и глад!
Идут к Хеброну прямиком.
Он доводился свояком
Иосифу. Кричат: «Невмочь
Терпеть лишения день и ночь»
И со слезами говорят,
Что, дескать, на земле навряд
Есть у кого-то столь же бед,
Что тягостней судьбины нет.
И просит у Хеброна всяк.
«Брон, ты Иосифу свояк.

За нас ему замолви слово,
Чтоб Иисуса Всеблагого
За нас молил, — они кричат, —
За наших жен, за наших чад»
И плач, и стон со всех сторон.
И опечалился Хеброн.
«Прискорбно, — говорит он. — Но
Беда такая как давно?» —
«Такая, — говорят, — беда
Не дни, но многие года.
Хеброн, Иосифа проси!
Пусть к Господу на Небеси
Взовет он, чтоб Владыка нас
От голода и мора спас!
Ведь мы не знаем, чья вина,
Что братия разорена».
И стон их долог и тяжел.
И Брон к Иосифу пошел.
И говорит, что, дескать, худо
Пришло неведомо откуда,

Что пропадает прахом труда,
Что люди мучатся и мрут.
А кто виновник — в толк не взять,
Аримафею молвит зять,
Прося Иосифа Христу
Явить их муки, нищету,
Узнать у Бога, кто в ответе
За смерти и болезни эти.
Иосиф помолчал, а все ж
Сказал себе: «Вину несешь
Не ты ль, Аримафей, один
За беды нынешних годин?»
Но, думы эти затая,
Он рек: «Добро. Узнаю я».

Иосиф чашу взял и сам,
Воздевши руки к небесам,
Воззвал к Небесному Царю:
«Тебе моление творю!
Христе, Мариин Сыне, Ты

Теперь с небесной высоты
Рабу, воззвавшему с земли,
Тебе послушному, внимли!
Я волю соблюдал Твою,
А ныне просьбу подаю,
Поверив в чудо из чудес —
Что ты, о Господи, воскрес.
Когда в узилищной норе
Я воздевал глаза горе,
Ты, Боже, в образе огня
Явился мне и спас меня.
Любовь упрочивая нашу,
Ты даровал мне эту чашу
И завещал: да не забуду
Я кланяться сему сосуду,
Потиру дивному, когда
Случится у меня беда.
Беда случилась. И Тебя
Прошу: помилуй, не губя.
Избавить поселенцев надо

От засухи, чумы и глада.
Как поступить, не угаи.
Заветы выполняю Твои».
Он не сводил с потира глаз
И услышал небесный глас:
«Мучительною и угрюмой,
Аримафей, не полнись думой!» —
«Но, Боже, грешников казни!
Иль удалятся пусть они.
А пожелаешь, я общину
И сам, козь виноват, покину». —
«Реку тебе, Аримафей:
И думать о таком не смей.
Однако сей сосуд возьми,
Установи перед людьми
И сам узришь, кто из людей
Есть праведник, кто — лиходей.
Припомни-ка: народ, свиреп,
Меня, когда вино и хлеб
Вкушали мы, схватил. Заране

Я знал о муках и о брани.
Тогда, у Симона в дому,
О сем не молвил никому,
Но рек, злодея не виня:
«Один из вас предаст Меня».
И с нашей вечера тогда
Ушел от срама и стыда
Тот из апостолов моих,
Кто был сребролюбив и лих.
На месте же его пустом
Никто не сиживал потом.
Так, хлеб вкушал и пил вино
Я в доме Симоновом, но,
Конечно, видел наперед,
Что мука страшная грядет.
И вечера во имя той
Сооруди-ка стол простой.
Затем Хеброна призови,
Сего, достойного любви,
Чья вера свята и крепка,

Христианина, свояка.
Велишь Хеброну, чтоб к реке
Направился, недалеко
Спустился на ближайший плёс
И с плёса рыбину принес.
И повеление даю:
Положишь рыбину сию
На стол. Затем, Аримафей,
Сосудец с Кровию Моей
Поставишь точно посреди,
Покрыв платком. Засим пройди
Покрытого сосуда мимо:
Сосуду да стоять незримо!
Засим предмета эти три —
Стол, рыбу, чашу — осмотри.
Но, главное, сосудец весь
Получше платом занавесь.
Итак, готовое проверь,
Засим открой всем вашим дверь.
«Теперь-то, — скажешь, — и найду,

Предав вас Божьему Суду,
Кто был виновник-лиходея
Недавних бедствий и смертей». —
Где Я сидел, посередине
Стола, садись и ты отныне.
Тем самым повторишь устоя
Последней Вечери Святой.
Запомни всё, о чем толкую.
Сидеть Хеброну одесную.
Окинув всё застолье взглядом,
Да сядет Брон с тобою рядом.
Но место меж тобой и Броном
Пустует пусть! На месте оном
Сидел Искарот Иуда.
Еще скажу тебе: покуда —
Запомни же, Аримафей! —
У праведной сестры твоей
От Брона не родится сын,
Да не воссядет ни один
На место клятое, где тот

Сидел злодей Искарriot.
Так приготовишь стол. Тогда ж
Всем подойти веленье дашь
И приготовься произнести
Пред братией такую вестъ:
«Кто слышал, ежели не глух,
Что Сын, Отец и Святыи Дух
Суть триединое одно,
И кто уверовал давно
И Господа молить привык,
Не забывая ни на миг
Сие, через меня Христово
Вам заповеданное слово,
Что в Образе едином — Три,
Тогда, народу говори,
Благословится жизнь и труд
У праведников сих, и тут
Такие, Господу хвала,
Спокойно сядут вокруг стола».

Аримафей завету рад.
Исполнил дело в аккурат.
Собрал общину у дверей.
«Входите» — молвит. И скорей
Вошли. Иные, в самом деле,
Как ни пытались сесть, не сели,
Иные заняли места,
По слову Господа Христа.
И пустовало лишь одно.
Ведь было проклято оно.
А на сидящих у стола
От чаши радость снизошла.
И стало, Господу осанна,
Их наслажденье несказанно.
И не глядят они на тех,
Кто, стоя, не познал утех.
Но был сидевший за столом —
Именовался он Петром, —
Что вздумал поглядеть назад.
И видит: многие стоят.

И молвит: «В душу снизошло
Сидящим дивное тепло!
А вас коснулся теплый свет?»
Стоявшие сказали: «Нет».
А Петр им отвечает так:
«А не коснулся — верный знак,
Что вы неправедные люди,
Погрязшие во зле и блуде».
И блудодеи со стыдом
Покинули Хебронов дом.
Один из тех, на коем скверна,
Рыдал, рассказавшись безмерно!
Обряд застольный сотворен.
Из горницы все люди вон —
И по домам. И напослед
Иосиф повторил завет:
Мол, ежедневно, да творят
Сей перед чашею обряд!
Отныне ведали, конечно,
Кто непорочно жил, кто — грешно,

Кто деланьем хорош, кто — плох.
Сему споспешествовал Бог.
Так чаша с Кровию Живой
Открыла истину впервой.

И, словом, радовались те,
Кто находился в чистоте.
И вопрошали те у них,
Кто был неправеден и лих:
«Поведайте нам Бога ради
О сей таинственной отраде.
И кем, и почему дана.
Да и отрада ли она?»
И слышали в ответ слова:
«Ей-Богу, братья, такова
Сия святая благодать,
Что ни сказать, ни передать!
Но велико блаженство. Днем
И ночью пребываем в нем».
А эти спрашивают тех:

«Сия утеха из утех,
И наслаждение, и чудо,
И красота идут откуда?» —
«Утеха, чудо, красота
Идут от Господа Христа.
Он воскрешал людей не раз.
Иосифа Он также спас». —
«Но чаша посреди стола,
Сдается, некая была.
Что за сосуд? Хотим ответа».
И отвечает Петр на это:
«Сосуд добра и красоты.
И, если не раскаян ты,
Не дарит он, сколь ни живи,
Отрады дружбы и любви.
Но эту лучшую из чаш
Зрит каждый сотрапезник наш.
Оказана общине честь —
За трапезу святую есть.
И мы, кто Господом любим

И честен, за столом сидим.
Но богомерзки души ваши.
И вы отвержены от чаши».

«Добро. Покинем милый дом
И, раз отвержены, уйдем, —
Сии последние сказали, —
От этих мест, куда подале.
Но спросят нас, зачем с земли
Своей возделанной ушли?
Как им ответим мы?» — «Как есть.
Что вы, мол, потерявши честь,
От нас отвержены и впредь
Вам благодати не иметь.
А благодать дана едино
От господа — Отца, и Сына,
И Духа Свята, коих Лики
Во Троицистестве превелики», —
Петр говорит. «Но как же ваша
Незримая святая чаша,

Завещанный Христом сосуд
Зовется?» — грешники рекут.
«Кто знает о сосуде, тот
Его Граалем назовет.
Однако, — был ответ Петров, —
Положен на Грааль покров.
И людям чаша та незрима.
Проходят, не заметив, мимо.
Но праведники входят в дом
И перед чашей за столом,
Допущенные все подряд,
На трапезе святой сидят.
А с чашею и рыба тут.
И так завет Христов блюдут.
Божественную благодать
Всей братии дано познать».
Как не поверить, коли так!
Выходит, чаша — благо благ!
И сладость от нее, как мед.
Граалем праведник зовет

Ее. И так, узнав о чуде,
Навек ушли дурные люди.
Остались добрые в дому.
А я поведал, почему.

Се, братия Петру вняла.
Поправились ее дела.
С потиром-чашей все подряд
Свершая трапезный обряд,
Всегда в отраде пребывали.
Старо сказанье о Граале,
Но этим именем сосуд
И ныне верные зовут.

Ушли, злодеи, стал-быть, кроме
Упряма некоего. В доме
Остался с праведными сей.
Именовался — Моисей.
И был оставшийся весьма
Незаурядного ума.

И здоровей иных голов.
И балагур, и остролов.
И делал сей упрямец вид,
Что безутешен и убит
Великим горем оттого,
Что нет за трапезой его.
У праведных что было сил
Прощения себе просил.
И снова братия, и снова
Выслушивала остролова:
Мол, верность Господу храня,
Просите старца за меня!
«Хочу, чтоб оказал мне честь
И чтоб за стол дозволил сесть.
Скажите же ему, друзья:
В грехах раскаиваюсь я.
И за бывшее не взыщите,
Но порадейте о защите»
И со слезами грешник сей
Искал разжалобить людей,

Просил, раскаиваясь, впредь
Его простить и пожалеть.
И вняли горести такой.
И вот в Иосифов покой
Застольцы входят все едино.
Наставника и господина
За злополучного прося,
Наперебой община вся
Кричит. Слезам мужей и жен
Весьма Иосиф поражен.
И молвит: «О какой заботе
Так гомонить ко мне идете?»
А люди повторять. Но тут
Уже толково речь ведут,
О грешных братьях говоря,
Что, мол, уплыли за моря,
Никак, однако, не уйдет
Один мудрец и доброхот.
И плачет Моисей навзрыд.
«К столу примите», — говорит

И просит у тебя в дому
Дозволить гостевать ему
И с нами сживать за нашей
Великою святыней-чашей,
А без того ему невмочь.
А мы принять его не прочь.
Ходатаям Аримафей:
«Сие, — ответил, — ей-же-ей,
Зависит от меня не много.
Дается благодать от Бога.
Понеже и решает Бог,
Для чаши кто хорош, кто плох.
И, коль он Господом заклят,
Моления не умолят.
И мы, глупцы, его вернем,
Подумаю хорошо о нем,
А он не доброхот, но плут
Иль, аки зверь, свиреп и лют».
«Не кажется он лютым зверем.
Мы, отче, Моисею верим»

(Иосиф, Бога ради, дозволю ему сие! Отвечает Иосиф: «Для того он праведником быть должен. Впрочем, так и быть, попрошу для вас Господа». И сказали они: «Благодарим тебя». И пошел Иосиф один к Граалю, и пал на колена, и обратился к Иисусу с мольбой, дабы Тот доброты и милосердия своих ради свидетельствовал о Моисее, таков ли Моисей, каким показаться желает. И был глас от Духа Свята, и сказал Дух Свят: «Иосиф, Иосиф, пришло время поведать тебе о сиденьи, иже меж тобой и Броном. Вопросаєте вы, ты и люди твои, таков ли Моисей, каким показаться желает. Скажи им, что, ежели он таков, каким казаться желает, и благодати Господней чае и впрямь, пусть войдет с вами в горницу и сядет за стол, засим увидишь, что случится». И было всё по слову Духа Свята. Вернулся Иосиф

в горницу и сказал просившим его: «Реките Моисею: ежели он благодати Божьей достоин, благодати сей никто его лишить не может. А ежели не таков он, каким представляется, пусть отступится, ибо лишь сам себя покарает-погубит». И пошли просившие к Моисею, и сказали ему, как велел Иосиф. И, слыша сие, возрадовался премного Моисей и сказал: «Токмо и надобно мне, чтобы дозволил Иосиф. И пусть не мнит, что не достоин я благодати Господней». И сказали они: «Дозволение имеешь, поступай по сему». И взяли его с собой, и возрадовались зело, и пошли с ним на молитву. И узрел его Иосиф, и сказал ему, говоря: «Моисей, Моисей, не подступайся к сиденью сему, коли не достоин, ибо сам себя покараешь-погубишь. Бойся обмана своего». И сказал Моисей: «Достойн есмь, и принят буду Гос-

подом в общину вашу». — «Добро, — сказал Иосиф, — ежели ты и впрямь таков, узрим сие». И сел Иосиф, и Брон, и сестра Иосифа, и прочие все, каждый на место свое. И, когда сели они, вошел Моисей, и устранился, и пошел вокруг стола, но не нашел иного места, кроме как подле Иосифа. И сел Моисей на место сие, и, когда сел, разверзлась под ним земля, и низвергся он в бездну, словно и не было его вовсе. И узрели то сидевшие за столом, и ужаснулись тому. И се, завершилась утренняя, и, когда встали братия от стола, подошел Петр к Иосифу и спросил, говоря: «Государь, устрашились мы теперь премного. Просим тебя, милости великой Господней ради, растолкуй, коли знаешь сам, что с Моисеем содеялось». Иосиф говорит: «Того не знаю. Но, коли будет на то воля великого Благодетеля нашего, узнаю».

И пошел Иосиф, скорбя зело, и пал на колена пред чашей, и воззвал: «Иисусе Всемилостивый! Неизреченна сила Твоя и преславны деяния! Ради Зачатия Твоего Беспорочного и Рождества Святого от Приснодевы Марии,)

И ради незабвенных дней,
И ради гибели Твоей,
Когда лихие твари те
Тебя распяли на кресте,
И моего спасенья ради
В узилище, где в жажде, в гладе,
Нуждаясь в пище и воде,
Я замурован был и где
Меня хранила чаша эта,
И ради Твоего завета
Молить Тебя, припав к сосуду,
Когда в злосчастии пребуду,

Когда, о Господи, в беду
Иль в переделку попаду, —
Молю, ответствуй: из друзей
Иль недругов наш Моисей?
Затем, что все: и я, и зять,
И люди остальные, знать
Хотим, что случилось с Моисеем.
Тогда сомнения рассеем».

Сказал Иосиф. И вослед
Немедля услышал ответ:
«Аримафей, се тайна, кою
Я наконец тебе открою.
Вы за столом сидите, но
Сидение меж вас одно
До времени вы не займете:
То память об Искарите,
Предавшем некогда Меня, —
До Судного пустует Дня,
До Судного, реку, Суда.

Но ты единожды сюда
Усядешься, Аримафей,
О смерти помянуть своей.
А впрочем, явится и тот,
Кто место наконец займет —
В семействе вашем некто третий,
В конце порух и лихолетий.
И станут с Енигусой Брон
Ему родителями. Он
За трапезою будет впредь
На том сидении сидеть...
О тайне расскажу другой.
Ты просишь, Моисей-изгой
В какой беде сказать и где.
Скажу, где и в какой беде.

Когда, отвергнутые ране
Ушли иные поселяне,
Остался грешник Моисей,
Просил у общины он всей

Прикота — и ловчей ловчил
Меж вами место получил.
Того не ведал лиходея,
Что бывших за столом людей
К великой тайне приобщила
Особая благая сила,
Которой нет у негодяя.
И он, молитву сотворяя,
Проклят и в вековую тьму
Гоним. И поделом ему.
И более не вспомнит люд
Обманщика ни там, ни тут,
Пока однажды третий тот
Сие сиденье не займет —
Добролюбив, благочестив,
Воссядет, место освятив.
Ну, а твои собратья, иже
Тебе и преданней, и ближе,
Про Моисея скажут «плут»
И Моисея проклянут.

Поведай им слова Мои.
Ни одного не утай.
И впредь испрашивайте. Вам
Ответы непременно дам».

Се, Некто без лица и крыл,
Незримым будучи, открыл
Иосифу, каков он, сей
Велеречивый Моисей.
И так, ни слова не скрывая,
Про Моисея-краснобая
Иосиф рассказал, каков
Был лицемер и суеслов,
И пустосвят, и греховод.
Окончил он рассказ. И вот
От юноши до старика
Все: «Божья сила велика,
И поразится гневом правым,
Кто свят лицом, но грешен нравом!»
Так, без порока, без искуса

Прожили Брон и Енигуса,
Родив двенадцать сыновей.
Один другого здоровей
Их ненаглядные сыны,
Пригожи, преданны, сильны.
Задумались отец и мать.
Пора решение принимать.
И Енигуса говорит:
«Разумны и сильны на вид,
И расторопны, и крепки,
Мой господин, у нас сынки.
Ступай-ка к брату. Пусть насчет
Сынов решение речет».
А Брон: «Да, благодарствуй, Боже,
Сыны у нас крепки, пригожи.
Пусть наш мудрый Аримафей
Судьбу решает сыновей».

К Иосифу пошел Хеброн.
И свояку промолвил он:

«Твоя волнуется сестра.
Подумать о сынах пора.
Поднялись, выросли сынки.
Как с ними поступить, реки.
Ведь мы, Иосиф, не таим:
Советом дорожим твоим».
Сказал Иосиф: «То убого
Решенье, кое не от Бога.
И спрашивать про сыновей
У Господа всего верней».
Хеброн с Аримафеем спор
До скорых отложили пор.
Пока же старец, сняв покров,
Разоблачил фиал Христов,
Пал на колена, кроток, тих,
И, умоляя за родных,
Сказал такое в простоте:
«Великий Господи Христе!
Прошу, решение прими.
Как, молви, поступить с детьми

И приспособить их куда,
Для коего добра, труда?
И что прикажем нашим чадам,
О Господи, пока мы рядом?»
Сказал Иосиф. И засим
К нему явился серафим:
«Се, волю Господа тебе
Я объявляю о судьбе
Сестры и зятя сыновей.
Провозглашу, Аримафей,
Об Иисусовом завете:
Да служат Иисусу дети —
Теоя, Аримафей, родня, —
Обет безбрачия храня.
Жениться, впрочем, им вольно.
Пусть женится, кто хочет. Но,
Женившись, будут все сыны
Безбрачному подчинены.
А ты зови сестру и зятя
И, попусту словес не тратя,

Иосиф, родичам вели,
Чтобы того к тебе ввели
Из сыновей, кто с юных лет
Принес безбрачия обет.
И юношу сего введут
К тебе родители, и тут
Вновь Господу внемли и вновь
Святую чашу приготовь».

С Аримафеевых очес
Посланец Господа исчез.
Иосиф пуще всех награда
Господнему веленью рад.
Юнцам у Господа в чести
Достойнейшую жизнь вести!
Хеброна-свояка призвал
И напрямую без похвал
Рек: «Удостоверяю вас.
О детях был небесный глас.
Да будут Господу сыны

На всем пути посвящены.
Однако же, любезный зять,
Жену, кто хочет, может взять.
Но буде кто решил обет
Безбрачия до скончанья лет
Блюсти, повелено тому
Ко мне прийти. Его приму.
Останется со мною он».
«Быть по сему», — ответил Брон.

Брон успокоился вполне
И всё пересказал жене.
Удивлена, поражена,
Обрадовалась и она.
«Заветы, право, хороши.
Исполнить их, — rekла, — спеши».
И обратился Брон к сынам.
«Сыны, — речет, — скажите нам,
Как жить хотите?» Старший рек:
«Отцовской воле поперек

Нейдем. Веления твоим
Покорны и на том стоим».
А Брон им отвечает так:
«Запомните, кто вступит в брак:
Должны вы, милые сыны,
Быть женам будущим верны,
Ведь брак — союз, внушаю вам,
Сеньоров доблестных и дам».
И вскорости и те, и эти
Хеброновы женились дети,
У пресвятого алтаря
Обряд венчальный сотворя,
Как всяка братия Христова.
И поучительное слово
О Божьем деле молодцам
Аримафей поведал сам.
Чета родительская рада:
Итак, возлюбленные чада
Женились, и теперь один
Безбрачным остается сын.

«Не помышляю о жене, —
Речет, — жены не нужно мне!»
Но говорит Хеброн: «А ну,
Возьми-ка, сын, себе жену!
Гляди-ка, вон и старший брат,
И младший, наконец, женат.
Так женишься?» — «Нет, отче, нет! —
Незамедлительно в ответ
Промолвил юноша ему. —
Жены вовеки не возьму».

И было по сему. Итак,
Одиннадцать вступили в брак.
Однако был Иосиф рад,
Что девственник — один из чад.
«Даете ли добро, Хеброн
И Енигуса, чтобы он
В дому присутствовал моем?» —
Иосиф спросил. «Даем».
А юноше: «Пребудешь ныне

В Иосифовом доме, сыне». Старик племянника, к груди Прижав, расцеловал. «Приди И оставайся, — рек, — со мною. Тебя, о чадо, удостою Особой чести». И они На этом вышли от родни. И, стало быть, прийдя домой, Сказал Иосиф: «Мальчик мой, Со мной пребудешь, не скорбя, Но радуясь душой: тебя Во имя Господа приму, И будешь ты служить Ему. А также, юноша, усвой: Пребудешь старшим и главой Меж братьев! Но усвой и се: Во всей божественной красе Сам Иисус Христос извне, Коль скоро пожелает, мне

Явиться может — и в земной Юдоли говорить со мной».

И к чаше пресвятой своей Воззвал опять Аримафей. И вот неспешно и толково Он про племянника благого Христу историю свою Поведал. «Я ответ даю О юноше, — рек голос. — Он Благовоспитан и учен, И дух его смирен, и нрав Покладист, и рассудок здрав. И дело по его уму. Да внемлет юноша всему! Кто, Господа Отца, Меня И Духа Свята единя, Уверовал — с сими людьми Я есмь. Иосиф, вразуми В том и племянника и снова

Поведай о делах былого,
Как, разъяренна и слепа,
Пилата некогда толпа
Опять просила и опять
Меня Единого распять.
И о предателе скажи.
И, как судейские мужи
Меня, довольные победой,
Распяли на кресте, поведай.
И как, ко Мне любовь храня,
Ты с древа снял, омыл Меня.
Скажи, как в чашу-сулею
Ты Кровь струившую Мою
Собрал и как, и тверд, и смел,
Ты муки за Меня терпел,
И как в тюрьме, не умолчи,
Тебе явился Я в ночи
И чашу с Кровию Моею
Вручил тебе, Аримафею,
Для многих, кто, не утай,

Уверует в дела Мои.
Блаженства от священной чаши,
Какого не бывало краше,
Скажи, исполнятся они.
Юнцу все действия объясни.
И что пребудет, объяви,
Они и в мире, и в любви.
Скажи, что другу, не врагу,
Споспешествуя, помогу.
Что горести не огорчат
Моих, прибавишь, верных чад.
Утешатся они вполне,
Найдя участие во Мне.
Все это вымолвишь. И тут
Яви племяннику сосуд
И непременно, не тая,
Скажи, что в оном — Кровь Моя.
И, коль не усомнится в том,
Мной будет юноша ведом.
Скажи толково, не спеша,

Что и у набожных душа
Порой соблазнами полна
И что не дремлет Сатана.
Иное увещанье: чтобы
Ни исступления, ни злобы,
Ни гнева не держал внутри, —
Равно ему приговори.
И чтоб не возлюбил, скажи,
Ни праздномыслия, ни лжи,
И чтобы ни в велик, ни в мал,
Во грех уныния не впал.
И да останется тогда
Его душа чиста, тверда,
И безмятежна, и тиха,
И без единого греха.
Вели, чтоб чистоту берег,
А любострастия порок
И плотскую утеху-сласть
Решительно вели проклясть.
Благоговейно, от души

Сие племяннику внуши.
Пусть огласит заветы эти,
Чтоб все: и взрослые, и дети,
Речь твоего ученика
Уразумели на века.
Заветы все наперечет
И неустанно да речет!
Великая, Иосиф, честь
В его предназначеньи есть.
И славному его труду
Я восприемника найду,
А также поручу сию,
Скажи, святую сулею.
И расскажи ему про ваши
Собрания у заветной чаши.
А главное, скажи сие,
Отныне юноша в семье
Меж братьев и сестер — глава!
Промолви и сии слова:
«Сподвижников себе собирай

И в западный далекий край
Ступай и сушею, и вплавь.
В тех землях Иисуса славь»
Благословенье посему
Хеброн дитяти своему
Дарует. Ну, а завтра пред
Сосудом вы сберетесь. Свет
Я изолю на вас и вам
Послание со светом дам.
Затем еще такой наказ
Шепни Петру: пусть он от вас,
Куда глаза глядят, вперед
На веки вечные уйдет
И, где ему угодно, там
Пусть дом себе устроит сам.
И пусть не плачет, потому
Что се — не кара, честь ему!
А после спроси Петра.
Когда придет, шепни, пора
Уйти в незнаемый придел,

Куда б отправиться хотел?
А Петр и скажет не тая,
Что в чуждеальние края
На Запад, скажет, в Аваллон
Отправиться желает он.
Там, где покой и благодать,
Он, Петр, Алейна будет ждать
И, успокоившись, умрет,
Когда, явившись в свой черед,
Алейн наследует само
Приятное Петром письмо.
И не почует Петр, пока
От пришлеца наверняка
О чаше не услышит сей,
О том, где ныне Моисей,
Который небом осужден,
А по прошествии времен,
Прожив достойно жизнь свою,
Пребудет праведник в раю.
Пусть остается в сей надежде —

О том скажи ему, но прежде
Тебе такое, старче, слово:
Зови племянника младого,
Реки ему не времена,
О том, что слышал от Меня».

Но об Алейне возгласим.
Иосиф внял Христу. Засим
Немедля к юноше пошел,
Сказал племяннику, что, мол,
Желаю радостную весть
До слуха твоего довести.
Добавил старец, что она
От Господа ему дана...
Я обо всем сказать бы рад,
Да удлинился б во сто крат
Тем паче утомил бы вас
Робера де Борона сказ.
И слух ваш, судари, займу
Ненадолго, чтоб тех, кому

Роберово сказанье мило,
Оно избытком не томило.
Иосиф — ясность привнесем —
Сказал Алейну обо всем
И об Алейновом святом
Пути поведал. А потом:
«Будь благостен, — сказал, — и светел.
Сам Иисус тебя отметил
И возлюбил тебя премного.
Честь велика тебе от Бога»
Затем к родителям Алейна
Пошли потолковать семейно,
Среди Алейновой родни.
И говорили так они.
«От Иисуса вам повем:
Согласны ль вы, что братьям всем
И сестрам ваш Алейн — старшой?» —

Спросил Иосиф. «Всей душой! —
Рекут в ответ. — Днесь братьяц наш

И охранитель нам, и страж» —
 «Тогда родителям реку:
 На старшинство и вы сынку,
 Почтенные отец и мать,
 Должны благословенье дать
 И подтвердить мои слова,
 Что братьям-сестрам он — глава,
 Что, ими и любим, и чтим,
 Пребудет неизменно им,
 Советуя, руководя,
 За охранителя, вождя».
 Итак, назавтра за обрядом,
 Когда молились дружно рядом,
 Молеельщикам — о том не след
 Молчать — явился свет,
 Христом обещанный. А дале
 Они посланье увидали.
 Аримафей Петра зовет,
 Петру глаголет: «Брате, вот
 Тебе послание Христа

Спасителя, чья чистота
 Нас от диавольского зла
 Освободила, упасла.
 Ступай в далекие края,
 Посланье при себе тая».
 Но изумился Петр весьма:
 «Я не просил сего письма!
 И о пути в чужой предел
 Я не молил и не радел».
 «Так говорю тебе, зане
 Поведано об этом мне.
 Однако откровенным будь.
 Понятно, твой неблизок путь.
 Но сколь, однако, он далек,
 Скажи?» — Петру Иосиф рек.
 Рек Петр Иосифу: «Чудно
 Сие тебе, быть может, но,
 Не обращаясь к небесам,
 Путь предугадываю сам!
 На Запад отправляюсь я

В незаселенные края,
До неизведанных сторон,
В чужую землю Аваллон.
А ты общине и родне
Скажи молиться обо мне,
Чтоб Иисус Христос меня,
И опекая и храня,
От ложных и кривых дорог
Навек отныне уберет
И чтоб, молитвам сообразно,
Меня упас и от соблазна
И под диаволову власть
Не дал мне, грешному, подпасть»
И все Петру наперебой:
«Прощай же Петр, Господь с тобой!»

И, наконец, сие затрону:
Как было велено Хебруну,
Он, с утрени прийдя, скорей
Зовет сынов и дочерей

И говорит им: «Вас зову,
Дабы единого главу
Избрать, и нарекаю вам
Внимать Алейновым словам:
Ваш брат Алейн — наставник ваш.
И всяк его прими, уважь.
Ему от Бога честь сия.
Его благословляю я.
Покорствуйте же посему
Его и воле, и уму.
И у него как у главы
Совета спрашивайте вы.
И он, разумен и остер,
Научит братьев и сестер —
Христа в свидетели беру —
И разуменью, и добру.
Чтоб на Алейна в каждом деле
Вы, чада милые, глядели!
И вас не устрашат тогда

Ни лихолетье, ни беда».
Хеброновы, добавлю я,
И дочери, и сыновья
Клялись отцу на всем пути
Завет отеческий блюсти.
Се, об Алейне молодом:
Алейн покинул отчий дом,
Увел и братьев, и сестер,
Но память о себе не стер.
Везде и всюду стар и млад
Благоговейно говорят,
Что людям, не жалея сил,
Он слово Божье приносил...
Но про Алейнову семью
Я повесть завершу сию,
Хвала Небесному царю,
И об ином заговорю.
Теперь, сдается мне, пора
Поведать про дела Петра.
Общине он сказал: «Друзья,

Днесь с вами расстаюсь и я».
Но ты, брат Петр, без клятв, порук,
И так нам был и брат, и друг.
С тобой расстаться не хотим». —
«Нет, мой уход неотвратим, —
Сказал. — Не ведаете аль,
Что мне идти в чужую даль
От Бога Самого приказ?
И завтра я покину вас».
И все содеялось по слову
Богоугодному Петрову.

А милостивый наш Господь,
Сумевший зло перебороть,
О старце помнил. Наконец
Пришел к Иосифу гонцу
И рек: «Господь тебя, Иосиф,
На произвол судьбы не бросив,
Печется о твоей отраде.
И ты, любви Христовой ради,

Петра в преддверии пути
В иную тайну посвятить.
Господь для посвящения днесъ
Его удерживает здесь.
А посветишь — ему черед
Придет уйти, и он уйдет
В пределы Запада, и там
Речет о том, что видел сам,
Везде, от края и до края,
Ни малости не забывая.
Коль дело началось, оно,
Понятно, кончиться должно.
И Вседержитель, яко благ,
Тебе повелевает так.
А что до Брона — возлюбив
Христа, он тих и незлобив
И Господу за это мил.
Брон рыбу некогда удил,
Как велено, для службы вашей.
Отныне он владеет чашей.

Раденье Господа навеки
О сем достойном человеке.
И вот тебе Господня речь:
Покров с фиала да совлечь
И все Хебруну разъяснить,
И передать событий нить,
И про Господню благодать
От чаши — тоже передать,
Доподлинно поведать, словом,
Об откровении Христовом.
Еще поведаетъ ему,
Как Иисус к тебе в тюрьму
Пришел, и с Иисусом ваш
Завет Хебруну передашь,
Как принял, Иисусов друг,
Ты чашу у Христа из рук,
И было дивными словами
При том говорено меж вами
О заповеданном Граале:
Граалем сей фиал назвали.

И повеление даю:
Услышав заповедь твою,
Хеброн сосуд да заберет!
Да исполняет наперед
Господню волю, иль ему
В мучительную кануть тьму.
Но был Хеброн — Хеброном встарь.
А днесь Хеброн — Король-Рыбарь:
Так, Короля и Рыбаря
Прозвание ему даря,
Бог возвеличил день, когда
Хеброн рыбачил у пруда.
Вот такова тебе сегодня
О Броне заповедь Господня.
И, наконец, ему открой:
Пусть богоизбранный герой,
Господней милостью богат,
Уходит также на Закат.
Ему гонцом Христовым будь.
И укажи далекий путь,

И по тому вели пути
На Запад навсегда уйти
С Граалем и с общиной всей.
А там богоизбранник сей,
Где только пожелает, дом
Своим построит чередом
И, соблюдая тишь да гладь,
Алейна-сына будет ждать.
Ну, а дождавшись наконец,
Родному чаду Брон-отец
Вручит Грааль, и в свой черед
Преемник чашу заберет
И в свой черед да сохранит!
И будет свят и именит.
Как видишь, передача эта
Есть исполнение завета
О нашей Троице Святой.
Да, непоколебим устой.
Избранников же, повтори,
И для Грааля тоже три.

Сие не по Творца ли воле?
И ради славы не Его ли?
Итак, фиал заветный наш
Хранить Хеброну передашь.
Считай, что трудный путь скончал
И, наконец, обрел причал.
Тогда ж, Иосиф, поутру
Придет пора уйти Петру,
Узревшему, что Брон — второй
Страж чаши. То Петру открой
И Брона по плечу ударь,
Воскликнув: «Брон — Король-Рыбарь»,
Дабы и Петр сие узрел!
И потому в чужой предел
Не отпускаю до утра,
Покуда не узрит, Петра.
Ну, а узрит — отбудет тоже.
Храни его в дороге, Боже.
Иосиф, ты, благочестив,
Дела земные завершив,

На свете не пребудешь боле.
Изыдешь из земной юдоли
Для райского святого града.
Блаженство — вечная награда
Тебе и родичам твоим.
Твой род отныне охраним.
И слово верное даю:
Породу и родню твою
Благоговейно там и тут
Народы всякие почтут.
Так, по гонцовым словесам
Иосиф все соделал сам.
Когда свершили на рассвете
Заутреню Христовы дети,
Иосиф братьям сперва
Поведал Божии слова,
Однако про Христов завет
О чаше не поведал, нет!
А Короля-стать Рыбаря
Отвел в сторону, говоря

Заветные Христовы речи
О давешней тюремной встрече.
И Брону отдал чашу он.
И взял у старца чашу Брон.
И увидала братья вся,
Что, дар сокрытый унося,
Он стал хранителем святыни
И что у Брона власть отныне.
И встали богомольцы в ряд,
И отречение старца зрят.
У всех кручина велика.
Ведь жаль общине старика.
А властью какой облек
Он Брона — людям невдомек!

А наш Король-Рыбарь Граалем —
И мы за то его похвалим —
Отмечен, облечен, и се,
От умиления плачут все.
И Богу славословья шлют.

И по домам уходит люд,
И нет смиреннее и кротче
Мольбы: «Помилуй, Авва Отче!»
Ну, а Король-Рыбарь потом
Три дня пробыл со стариком,
Ведя неспешны и нескоры
С Аримафеем разговоры.
Но вот и минули три дня.
И, более не времена,
Сказал Король-Рыбарь: «Всё ярче
Мне видится дорога, старче.
И, стало быть, не обессудь.
Пора и мне собраться в путь». —
«Ну, так собирайся и иди, —
Ответил старец. — Впереди
Иные земли и моря,
Создателю благодаря.
И люди за тобой уйдут.
Ступай. А я останусь тут».
И в этом, стало быть, краю

Дожил Иосиф жизнь свою,
А с Рыбарем ушла община.
О них, друзья мои, предлинно,
И все ж не вовсе бестолково
Я вел рассказ, за словом слово.
Робера де Борона речь
Могла бы, други, течь и течь.
Продолжи повесть я — тогда
Повествовал бы без труда
О том, как жил Алейн потом,
О том, что делал, и о том,
Кому он был желан и мил
И кто его поил-кормил.
Я, братья, и о том бы рек,
Что оказался предалек,
И беспокоен, и суров
В чужие земли путь Петров.
Потолковал бы я к тому же
О Моисее, лживом муже,
И рассказал бы вам, куда
Он провалился без следа.

Поведал бы о Рыбаре
И, очи возведя горе,
Благословил бы старшинство
Богоизбранное его.
Итак, вот повесть о героях.
Их, главных, четверо, о коих
И по прошествии годов
Я вновь повествовать готов
И сочинять за томом том.
Но нет же! Ни словца о том,
Покуда сказа о Граале
Вы, братья, не услышали.
Ей-ей, до нынешнего дня
О сем Граале от меня
Один-единственный из вас
Мессир Готье услышал сказ.
Мы в Монбельяре, поясним,
Однажды бражничали с ним.
Однако, если буду жив,
Я, с Божьей помощью сложив

Все эти повести в одну,
О всех героях вспомяну.
И вам, единая-одна,
О всем поведает она...
Однако, прежние четыре
Оставив, о святом потире
Я пятую, пожалуй вам,
Спервоначалу передам.
Составлю повесть, ну а там
И остальные — по местам.
Так, на досуге поутру
Однажды книгу соберу.
Ведь спросите, в какой придел
Я давешних героев дел,
В скитания услав-устроив
Сих упомянутых героев,
И почему противу правил
Вас в неизвестности оставил.

(Перевод Е. Кассировой.)

СОДЕРЖАНИЕ

Витковский Е. В. «Блаодо для рыбы», или Легенда как смысла жизни	7
Робер де Борон. Роман о Граале	39